

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

U 7141

и 7141

Slovenská knihovna

SLOVANSKÁ KNIHOVNA

3186229288

КРЫМСКІЕ

ЦЫГАНЕ.

ПОВѢСТЬ

А. Котляревскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

=
1853.

КРЫМСКІЕ ЦЫГАНЕ.

ПОВѢСТЬ

А. Котляревскаго.

156099.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ю. ШТАУФА.

1853.

а 7141

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ, .

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ.
13-го Августа 1853 года.

Ценсоръ Н. ПЕЙКЕРЪ.

КРЫМСКІЕ ЦЫГАНЕ.

ПОВѢСТЬ.

.... et mettant la pratique d'accord avec la théorie, il (Michel-Ange de Caravaggio) entra dans un cabaret, et fit d'après nature le portrait d'une bohémienne, disant que ce sujet valait tous ceux que l'antiquité nous a legués par rapport aux beaux-arts.

(Histoire de la peinture en Italie par John Coindet).

ГЛАВА I.

Дорога.

Кто былъ въ Крыму, и имѣлъ удовольствіе пожить или хотя только объѣхать Южный берегъ его, тому, конечно, памятна дорога отъ Байдарскихъ Воротъ до Ялты, или, пожалуй и дальше, до Алупки.

Положеніе нутника, ѣдущаго по этой, единственной тамъ дорогѣ, очень похоже на то, какъ еслибы онъ, какимъ нибудь чудомъ вознесся съ своими лошадьми и экипажемъ на высочайшую каланчу, началъ объѣзжать верхушку ея потому самому балкону, съ ко-

тораго не дремлющій часовой высматриваетъ появленіе гдѣ нибудь пожара. Впрочемъ сравненіе найвысочайшей каланчи съ Южнобережными громадами непрерывныхъ утесовъ зубчатаго хребта Яйлы, которымъ она надвинулась здѣсь почти надъ самое Черное море, сравненіе такое, повторяю, столько же мизерно и не соразмѣрно, сколько не соразмѣрна величина песчинки противъ скалы, изъ которой можно вытесать сотни мавританскихъ замковъ по образцу, украшающему извѣстную Алупку.

Вспомните только одно, что отъ подножія Яйлы, грозно надвинувшейся надъ шумнымъ моремъ, вѣчно лобзающимъ изумрудными своими волнами ея порфирные и гранитные утесы, причудливыя верхушки хребта ея бѣлѣютъ въ блестящей синевѣ полдня стаями поднебесныхъ облаковъ, и что, съ половины высоты этихъ будто окаменѣвшихъ облаковъ, съ высоты, по которой винтообразно вьется южнобережное шоссе, всѣ прибрежныя дачи и корабли въ морѣ кажутся то дѣтскими игрушками или картонными домиками, то морскими чайками и бабами.

Величію, красота и неувимомѣняющееся разнообразіе видовъ ихъ рѣшительно неизобразимы.

Состояніе путника, ѣдущаго по дорогѣ, à la lettre, висящей между небомъ и бездною моря на чудовищныхъ утесахъ не замѣтнымъ и узкимъ карнизомъ, исполнено столько же необыкновенныхъ наслажденій, сколько тревогъ и опасеній за жизнь.

Что говорить, всякому пріятно видѣть, на примѣръ, море, когда оно, какъ необъятной величины алмазь, вдругъ кинется и засверкаетъ передъ изумленными глазами огнистымъ переливомъ разноцвѣтныхъ волнъ. Когда чудной и обаятельной силой своей оно очаруетъ и ужаснетъ васъ, какъ манящій и заколдованный кладъ. Но не всякому пріятно, если колеса экипажа то скачутъ, то скользятъ надъ самыми краями, поминутно раскрывающихся передъ нимъ обваловъ, зіяющихъ безднъ, крутыхъ скатовъ въ пропасти и ужасающихъ однимъ видомъ своимъ стреминь, видимо валящихся въ одну общую пучину моря.

Чуденъ блескъ скалъ искристаго порфира,

утесовъ желтаго, краснаго мрамора и дикаго гранита хребта *Нилы*, когда освѣщена она ясной синевой полуденнаго неба. Кажется, то не цѣпь горъ, но растянувшійся во всю длину чудовищныхъ размѣровъ удавъ заснулъ надъ синѣющими берегами шумнаго моря, разнѣжась на пальцемъ солнцѣ и сверкая кольцами своей непрободаемой чешуи.

За то, едвали привлекателенъ видъ грозныхъ скалъ, когда навѣсятса онѣ надъ головой путника съ такой опасностію, что отъ одного стука колесъ, кажется, готовы обрушится и растерѣть его въ прахъ.

Но въ тоже время невыразимо пріятно очутиться вдругъ какъ бы среди облаковъ, и нестись съ ними надъ дивнымъ моремъ, надъ проносящимися ландшафтами живописнѣйшихъ береговъ его, утонувшихъ въ голубомъ туманѣ. Изумленные глаза путника, переполненнаго жаднымъ любопытствомъ, разбѣгаются, и, хотя минуто, но утопаютъ въ тѣнистыхъ садахъ, въ роскошныхъ виноградникахъ и въ ярко мелькающихъ цвѣтникахъ. Онъ радостно встрѣтитъ прижавшіяся къ горамъ татарскія деревеньки, живописно раскинув-

шіяся по скатамъ богатя дачи и затѣйливые домапомѣщиковъ. Гонясь за убѣгающею далью, глазамъ его отрадно скользить по развивающейся понорамъ манящихъ къ себѣ видовъ, и все это видѣть какъ во снѣ, какъ съ облаковъ, какъ.... Но содрогнется путникъ, содрогнется всякій человекъ, когда внезапно, очутится онъ подъ скалой, которая какъ бы балансируетъ на остріѣ другой, и обѣ повиснуть надъ его головою; когда нѣкогда обрушившійся утесъ стокнулся на утесъ и оба, въ паденіи образовавъ какъ-бы валящійся треугольникъ, изумять его пуще Болонской башни непостижимостью законовъ равновѣсія тѣлъ. Всякъ подивится этой красотѣ вѣковаго разрушенія. Вѣковой дубъ скалами разодранъ пополамъ. Корнями его, какъ засмоленными канатами, задержанъ отшатнувшійся утесъ. Вѣковыя сосны паденіемъ обваловъ обращены корнями вверхъ и растутъ вѣтвями внизъ. Густолистая ясень, курчавый букъ величаво раскинулись на цѣльномъ гранитѣ, впившись корнями въ едва замѣтную скважину, въ щель цѣльной скалы. Тамъ на деревьяхъ выросли деревья. На сгнившихъ ду-

бахъ и берестахъ роскошно разрослась жимолость и рябина. Здѣсь на утесѣ, какъ на бронзовомъ лбѣ колоссальнаго урода, выросъ вѣчноцвѣтущій кустарникъ. Вотъ надъ головой его виситъ цѣлый лѣсъ.

Но вотъ дорога вбѣгаетъ въ обвалъ. Море пропадаетъ изъ глазъ и путникъ очутился въ какомъ то гротѣ, подѣ темными сводами густой и цвѣтущей зелени. Скопившаяся духота напоена оживляющимъ благоуханіемъ цвѣтовъ, деревъ и древесныхъ смоль. Мѣняющіяся, одна другой ярче, нѣжиѣ, краски перемѣшаны съ очаровательными узорами бѣгущихъ просвѣтовъ и дрожащихъ тѣней. Стукъ колесъ раздается дрожащимъ звономъ. Шелестъ вѣтвей кажется звучнымъ шумомъ. Падающій по каменистому дну пропасти ручей, крики дикихъ птицъ ласкаютъ слухъ гармонією. Но роскошное видѣніе пронеслось. Дорога снова выскочила на скалу. Снова вспыхнуло синимъ огнемъ пустынное море, повѣсились падѣ головой скалы, грознѣе и опаснѣе прежняго. Путникъ снова какъ-бы въ облакахъ, между безднами синяго неба и голубаго моря. Зубчатые утесы хребта

Яйлы снова понеслись въ небесной синевѣ ярко-цвѣтными башнями, дворцами, дивными замками.

По этой-то самой дорогѣ, лѣтъ семь тому назадъ, однажды, подъ вечеръ, ѣхала скрипучая и неуклюжая татарская „маджара“ запряженная парюю черныхъ буйволовъ.

Большіе рога буйволовъ, буквою з лохась по толстымъ и коренастымъ шеямъ ихъ, обваруживали тѣмъ хорошую породу этихъ животныхъ. Рослые но скудолодые, они казались телятами передъ громадностью маджары, которую влекли необыкновенно медленнымъ и лѣнивымъ шагомъ. Издали маджара эта казалась движущаяся копною или калмыцкою юртою, покрытою ветхими рогожами, кусками желтаго и сиваги сукна и черной, засмоленной кожей буйволовъ.

Вслѣдъ за маджарою шаршавая тройка висюухихъ ословъ тащила русскую щегольскую кибитку на колесахъ, окованныхъ блестящею шиною и съ желѣзными втулками. Сверхъ поклѣта кибитки раскинуть былъ желтый коверъ съ яркими и большими цвѣтами, а сзади кибитки, въ дыравомъ рейтухѣ, привязана бы-

ла цѣлая копна бурьяноватаго и сухаго какъ порохъ сѣна. Не смоура на то, что сѣно казалось годнымъ лишь для пищи огню, по оно манило за собой двѣ издыхавшія, кривыя и изсадненныя клячи и хромага осленка, на которомъ ѣхалъ верхомъ нагой, чорный и курчавый цыганенокъ съ глазами красными, какъ у Какерлака. Кибитка тоже нагружена была вплоть до самага верха цвѣтными подушками, сонными, полуодѣтыми въ пестрое тряпье женщинами, дѣтьми и войлоками.

Вислоухую и шаршавую тройкою управлялъ, сидѣвшій на передкѣ, татаринъ, съ бородой никакъ не меньшей славной нѣкогда бороды Гусейна или Пушкинскаго черномора. Возница этотъ былъ разумѣется цыганъ. Но по одеждѣ онъ казался туркомъ. Чорноволосая и курчавая голова его была обвита бѣлой чалмой. Синяго сукна куртка, верблюжіе шаравары, поясъ, босыя ноги и турецкая посадка на облучкѣ русской кибитки, давали знать между тѣмъ, что онъ былъ болѣе послѣдователь Магомета, чѣмъ Христіанинъ.

Въ сторонѣ отъ Кибитки, на ровнѣ съ нагимъ всадникомъ шло, или, точнѣе говоря,

несслось, скакало и кружилось молодое, стройное и гибкое существо, пола котораго съ разу ни какъ нельзя было различить.

Одной рукой держа надъ головой своей бубень, украшенный множествомъ колокольчиковъ и побрякушекъ на проволокахъ и на струнахъ, а другою стуча и треля по натянутой кожѣ бубна, игривое существо это казалось Египетской Альмеей.

Но всмотрѣвшись въ него ближе, легко было узнать дѣвушку изъ породы Крымскихъ или Татарскихъ цыганъ. Цыганка эта была одѣта какъ настоящая одалиска, или какъ нѣсколько похоже одѣваются у насъ нагайки, въ нагайскихъ аулахъ близъ Бердянска, Мелитополя и Менонитскихъ колоній на молочныхъ водахъ. Черные съ синимъ отливомъ и густые волосы ея заплетены были вокругъ головы множествомъ тонкихъ косичекъ, въ концы которыхъ вплетены были шнурки, ленточки и даже металлическія змѣйки. Верхушку головы ея прикрывала краснаго бархата съ шитьемъ феска. Въ маленькихъ ушкахъ, вмѣсто серегъ висѣли большія серебрянныя кольца. Дѣвушка одѣта была въ „шальвары“

изъ желтой китайки, съ лампасами изъ позумента. Бѣлой тармаламы съ черными цвѣточками бешметъ на ней надѣтъ былъ на распашку. Ситцевая рубашка и жилетъ не мѣшали между прочимъ замѣтить стройной и тонкой ея талии. Эта послѣдняя, какъ нарочно, перетянута была поясомъ изъ желтаго позумента. Бронзоваго цвѣта ноги ея обуты были въ красненькіе туфли съ острыми и загибающимися вверхъ носками. А повыше косточекъ на обѣихъ ногахъ цыганки надѣты были ожерелья изъ костяныхъ и металлическихъ бубенчиковъ, гремящихъ пуще всякихъ кастаньетъ. На стройной, но загорѣлой шеѣ дѣвушки знатокъ въ нумизматикѣ могъ бы насчитать покрайней мѣрѣ штукъ двадцать различныхъ золотыхъ и не золотыхъ, древнихъ и новыхъ монетъ, начинающая отъ піастра до русскихъ червонцевъ и тѣхъ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ, которыя находятъ въ Керченскихъ и Кавказскихъ горахъ и продаютъ охотникамъ рублей по 50 за штуку. О красотѣ этой цыганки трудно что нибудь сказать уже потому, что съ перваго взгляда все существо ея, казалось, состояло изъ одного огня, который въ

движеніяхъ, въ живости лица и въ черныхъ глазахъ ея такъ неудержимо прорывался какимъ-то летучимъ, блуждающимъ пламенемъ.

Въ дополненіе костюма, на рукахъ ея надѣто было множество браслетъ и чотокъ, а на длинныхъ и тонкихъ пальчикахъ, съ раскрашенными желтой краской ногтями, было замѣтно не мало колець.

Но замѣчательною личностію этого пестраго поѣзда крымскихъ цыганъ, былъ человекъ, вѣхавшій на скрипучей маджарѣ, лѣнливо влекомой черными буйволами. Издали онъ не былъ похожъ ни на турка, ни на татарина. Скорѣе его можно было принять за древняго фавна подъ остро-верхой бараньей шапкой, какія носятъ персіяне и грузинскіе лезгини. Это былъ тоже цыганъ до того косматый, обросшій волосами, что, еслибы глаза его не сверкали двумя бѣгающими огнями, а перламутровые ряды зубовъ его не обозначали рта, то не мудрено было самое лицо его принять за затылокъ. Цыгану, казалось, было лѣтъ подъ сорокъ. Всклоченная голова серебрилась уже сѣдиной. На цыганѣ не замѣтно было даже подобія рубашки. Ее замѣнилъ онъ изъ синей

китайси архалукомъ, который никогда не застегивался. Въ довершеніе всего на ногахъ его были кожаные шаравары и турецкіе туфли. Одинъ только поясъ изъ серебристой парчи, концы котораго выпущены были сзади буквою Х, составлялъ единственное, можно сказать, украшеніе диковиннаго его наряда. Бдучи на маджарѣ, возница этотъ куриль изъ коротенькой трубки и то и дѣло сплевывалъ по сторонамъ.

О скорости ѣзды этого татарско-цыганскаго поѣзда читатель можетъ судить уже по одному тому, что буйволамъ и осламъ предоставлена была полная свобода идти какъ имъ захочется, а дорога, по которой эти животныя тащили свои обузы, извивалась между такихъ стремнинъ и утесовъ, по какимъ вьется она только между Кучукъ-Кой и Мухалаткой. Русскій человекъ пропалъ бы съ тоски отъ подобной ѣзды. Но для Крымцевъ, а въ особенности для крымскихъ цыганъ ѣзда въ горахъ чѣмъ медленнѣе, тѣмъ, кажется, отраднѣе.

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что большая часть крымскихъ цыганъ живетъ по-

чти дикарями. Религiи, обрядовъ ея и понятiй о родствѣ, свойствѣ и отношенiяхъ, возникающихъ въ людскихъ обществахъ, для цыганъ крымскихъ по большей части не существуетъ. Соединяетъ ихъ въ общества только языкъ, одинаковый образъ жизни, усвоенныя ими извѣстнаго рода занятiя, привычки и наконецъ родъ ихъ—поколѣнiе. Одежда этихъ цыганъ различна. Женщины одѣваются или по татарски или по калмыцки, но чаще всего, какъ случится. Мужчины тоже большею частию носятъ одежду смѣшанную, т. е. на половину татарскую, на половину русскую, или ходятъ чисто по татарски. Но попадаются между ними совершенные арлекины и полудикiе нагиши. Племя крымскихъ цыганъ то самое, которое въ Малороссiи и Новороссiи извѣстно подъ названiемъ цыганъ „плащеватыхъ.“

Цыгане эти большею частью ведутъ жизнь скитальческую. На арбахъ и маджарахъ, замѣняющихъ имъ и домъ и все хозяйство, они переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню во всякое время года. Но въ одной и той же деревни цыгане долго не остаются, а спѣшатъ выѣхать за деревню и тамъ ужъ

располагаются на житье-бытье, болѣе или менѣе продолжительное. Въ хатѣ или въ мазанкѣ цыганъ жить ни за что въ свѣтъ не ставеть; по той причинѣ, что дѣти его не выносятъ запаху глины, какъ говорятъ они. Крымскіе цыгане не занимаются преимущественно мѣной лошадей, воловъ и т. п. что водится за всѣми прочими цыганами, живущими внѣ Крыма. Крымскихъ цыганъ, породу ихъ занятій, можно раздѣлить такъ, они или народные музыканты или кузнецы или корзинщики и бочары вмѣстѣ.

Цыгане музыканты, наигрывая въ рожокъ и бубуня въ турецкій барабанъ, оглушающій всю татарскую деревню (что впрочемъ татарамъ очень нравится), добываютъ себѣ тѣмъ кусокъ хлѣба, кромѣ того они сами занимаются выдѣлкою и продажей музыкальныхъ инструментовъ: барабановъ, пичникомъ, дудокъ, трехструнныхъ балалаекъ, которыя Балаклавскіе греки называютъ „лирами“ гудилокъ, трещотокъ и выковываютъ варганы.

Цыгане-кузнецы, какъ и всякіе другіе кузнецы, дѣлаютъ: ножи для рѣзки винограда, табаку и всякихъ фруктовъ, топоры, гвозди,

долота, подоски, ухнали, кольца и мундштуки для уздъ, сѣдлы, подковываютъ лошадей, воловъ, ословъ, выковываютъ татарамъ кухонную и столовую посуду и гартуютъ крицы, серпы, косы и т. п.

Корзинщики и бочары, какъ показываетъ и самое названіе ихъ, занимаются тѣмъ, что, чрезвычайно искусно и прочно выплетаютъ изъ виноградныхъ и раkitныхъ лозъ корзины, кошели необходимые при уборкѣ винограда и фруктовъ, дѣлаютъ клѣти и куфы (илет. кадки), набиваютъ ведра, бочки, перерѣзы, строятъ и оковываютъ „тараланы“ для давки вина.

Вообще крымскіе цыгане, какъ ремесленники, народъ очень необходимый и полезный для татаръ тѣмъ болѣе, что издѣлія свои они не продаютъ татарамъ за наличныя деньги, но мѣняютъ ихъ на хлѣбъ, на фрукты, одежду, сало, мясо и на матеріалы для своихъ издѣлій. Въ деньгахъ, по видимому, цыгане не нуждаются. Бѣдный образъ жизни ихъ и занятія, которыми они честно добываютъ свой насущный хлѣбъ, не поражаютъ и не разбиваютъ въ нихъ за то ника-

кихъ общественныхъ пороковъ и дурныхъ наклонностей. Цыгане крымскіе кротки какъ дѣти, добры, простодушны и боязливы, хотя часто по виду своему кажутся совершенными головорѣзами. Ни въ воровствѣ, ни въ мошенничествѣ никто ихъ упрекнуть не можетъ. Они честны. Кромѣ наружнаго вида, другая особенность цыганъ этихъ заключается въ томъ, что они не жестокосердны ни съ людьми, ни съ животными. Цыганъ охотнѣе самъ перенесетъ голодъ и удары, чѣмъ допустить до того своихъ лошадей, буйволовъ, воловъ и ословъ. Дѣти этихъ цыганъ часто до юношескаго возраста не знаютъ ни какой одежды. Зимой, neodѣтые и босикомъ, они съ радостію гасаютъ (шальятъ) по снѣгу и незнаютъ простуды.

Пища крымскихъ цыганъ большею частью такая, какъ и у всѣхъ крымскихъ татаръ. Хотя не рѣдко случается, что они лакомятъ себя и кониной, что впрочемъ водится и за татарами, особенно живущими въ Байдарской долинѣ. Замѣчательно, что при бѣдной жизни крымскіе цыгане доживаютъ до глубокой старости, какъ мужчины такъ и женщины.

Многіе изъ стариковъ-цыганъ славятся пѣснями и импровизаціями про былое и про грядущее; дѣвушки и дѣти пляшутъ „халандру“, а женщины занимаются ворожбой и славятся у татаръ знаніемъ цѣлебныхъ травъ и вообще искусствомъ лечить травами, соками и заговорами болѣзни у людей и у животныхъ.

Крымскіе цыгане пользуются въ Крыму добрымъ расположеніемъ татаръ, въ особенности если первые еще и Мухамедане.

Цыгане, составлявшіе нашъ поѣздъ, извѣстны были въ татарскихъ деревняхъ по южному берегу Крыма какъ отличные музыканты и кузнецы. Въ пору происшествій нашего расказа, они, проживши почти полъ-лѣта на берегу моря, въ Судакъ, подъ плетнемъ прекраснаго Сафалы-Сарай, пробирались теперь въ Байдарскую долину. Имъ представлялось тамъ больше средствъ къ прокормленію въ зимнюю пору себя и своего скота. Поѣздъ этотъ ужъ дней пять какъ былъ въ дорогѣ изъ Хансхора.

Теперь же раздрающимъ скрипомъ своей маджары онъ мучилъ, пилить этотъ прекрасный воздухъ горъ близъ покойнаго Кучукъ-

Кой. Сапъ лѣнливыхъ буйволовъ, дыханіемъ своимъ шумящихъ не хуже кузнечныхъ мѣховъ, и упорство ословъ увеличивали трудность этого пути до нельзя. Скоро однакожъ ѣзда эта заключилась тѣмъ, что цыганскій поѣздъ остановился какъ разъ на одномъ изъ наибольше выдавшихся въ море утесовъ Яйлы. Отсюда онъ похожъ былъ издали на ворону, взгромоздившуюся на голый сукъ одного изъ высочайшихъ осокоровъ, росшаго въ сторонѣ необъятно разступившаго матчоваго лѣса.

Статься могло, что цыгане наши продолжали бы путь свой и дальше, то есть выше и ближе къ Байдарскимъ воротамъ, которыя, какъ квадратное окно сквозять въ одной изъ верхушекъ высокоутесистаго хребта, или поднялись бы покрайней мѣрѣ до того пролома въ скалѣ, сквозъ которую юркнула почтовая дорога, если бы не помѣшало тому одно печальное обстоятельство.

Обстоятельство это заключалось въ томъ, что ѣхавшій на маджарѣ цыганъ примѣтилъ внизу какое-то стадо, которое всякій другой очель бы за стадо птичекъ, прыгавшихъ на

крутомъ скатѣ горы, или принялъ бы за стадо крысъ, рыскающихъ по крутизнамъ за кореньями травъ и кустарниковъ. Но зоркіе глаза цыгана тотчасъ различали въ немъ стадо овецъ Мухалатскихъ пастуховъ. Примѣтя овецъ, цыганъ тотчасъ соскочилъ съ маджары, забѣжалъ впередъ буйволовъ и, схвативъ съ рога ихъ налыгачъ, закричалъ „чокъ.. чокъ..“, и началъ привертывать ихъ къ правой сторонѣ дороги, по которой катился свѣтлый ручеекъ ключевой воды.

— *Гэ... іокъ тхаверде, іокъ, іокъ тхаверде* (ну, ну! живѣй!), закричалъ на свою вислоухую тройку другой цыганъ, сисясь поворотить ее вслѣдъ за передовымъ, который остановился.

— А что, сизый голубь, не хочешь ли вотъ эту водичкой промочить горлушка своимъ теляткамъ? Вишь, какъ они съ натуги засапались, что не сдыхаются, бѣдненькіе! Добре, добре, отецъ мой и братъ! Я и своихъ скакунчиковъ поподчую, и они, сердечные, со всѣмъ уже изъ силъ выбились! говорилъ управляющій вислоухой тройки, на полуцыганскомъ и полутатарскомъ нарѣчій цыгану, отпрягавшему уже своихъ буйловъ.

— Всякій часъ святой! мой сердечный, Олай-Баръ. Но часъ вечера самый святой. Здѣсь мы остановимся на ночлегъ.

— Якши (хорошо), якши, мой счастливый Сиди-Брамъ! Моими клещами твое желѣзо ковати! Ночлегъ тутъ намъ привольный будетъ. Великій Богъ и Пророкъ Его послали намъ добрую воду. Но чѣмъ же тутъ будутъ забавляться наши телятка и мухортенькіе скакунчики, Сиди? Видишь, тутъ скала на скалѣ, и всѣ, какъ мое колено, безъ стебелька травки, безъ кустика, какъ на ясномъ мѣсяцѣ. А выше и ниже этой дороги некуда и ноги поставить!

— Вѣчно царствовать душѣ твоего отца, дружище мой, Олай-Баръ. Но ты забылъ, кажется, слова Корапа: путникъ, благослови пророка твоего на всякомъ мѣстѣ, и Онъ пошлетъ тебѣ сладкую пищу, прѣсную воду и Прокладную тѣнь; или ты и на землю уже никогда не смотришь, что ничего на ней не видишь. Посмотри-ка туда! Говоря это, старый Сиди-Брамъ одной рукой указалъ на примѣченное имъ стадо, а другою придерживая друга за плѣчо, продолжалъ: оно нашло же себѣ

тамъ пищу. Найдёмъ и мы ее здѣсь. Нужно только надѣяться, любить своихъ женъ и беречь добро свое, а прочее все придетъ само собою.

Послѣднія слова стараго и косматаго Сиди-Брама показались такъ убѣдительными другу его Олай-Бару, что, не закричавъ даже на своихъ ословъ „чокъ, чокъ“, онъ принялся выпрягать ихъ.

Буйволы и ослы были отпряжены и вмѣстѣ съ клячами пущены на произволь.

Проснувшіяся цыганки, лежа и потягиваясь, зѣвали и выставляли изъ кибитки босыя ноги и загорѣвшія руки. Потомъ онѣ подняли межъ собой говоръ, смѣхъ и крики. Нѣкоторыя изъ нихъ, выставивъ свои растрепанныя головы, долго разсматривали окрестность. Другія тотчасъ соскочили съ возовъ, достали изъ хлама и поклажи мѣдные кувшины, похожіе своею формою на степныхъ журавлей, наточили въ нихъ изъ горнаго фонтана чистой и холодной воды, напились и начали умывать себѣ лица, руки и ноги, предоставляя воздуху и спускавшемуся уже къ закату солнцу замѣнить собой назначеніе нашихъ полотенецъ. Обмывши се-

бя, цыганки принялись умывать своихъ дѣтей.

Отставшая вмѣстѣ съ ѣхавшимъ на осленкѣ цыганчукомъ, молоденькая плясавица подѣ конецъ уплисалась до такой степени, что по смуглому и пылавшему огнемъ ея лицу ручьями струился потъ. Звучный бубенъ висѣлъ на рукѣ ея. Взволнованная грудь, тяжелая отдышка, разгорѣвшіеся глаза и мягкость разгоряченнаго тѣла, придавали стройной фигурѣ ея видъ Гавазе.

Подбѣжавъ къ бившему изъ скалы ключу воды, она сорвала съ головы своей феску и подставила подѣ него всю голову. Холодная вода заструилась по множеству черныхъ косъ дѣвушки, хрустально вуюлю сверкнула по ея лицу, шеи и взволнованной груди, промочила всю ея одежду и сбѣжала по ногамъ.

— Юцаде, что ты дѣлаешь? Яманъ (дурно) такъ дѣлать. Твой бешметъ и твои новые шальвары отъ воды совсѣмъ пропадутъ и цвѣтъ потеряютъ! закричали цыганки, схвативши ея за руки и отводя прочь.

Но шаловливая Юцаде, какъ вьюхъ, выскользнула изъ рукъ ихъ и, свырынувши съ

себя туфли, полѣзла въ трещину скалы и погрузила ноги въ кипучее горло ручья почти до самыхъ колѣнъ.

Въ слѣдъ за этой ея шалостию нагой цыганенокъ самъ собою бухнулъ съ осленка на земь и, обрадовавшись водѣ, началъ скакать и выплясывать по бѣгучему ручью халандру, подшлепывая себя пятками.

— Баланчукъ, милое дитя мое, баланчукъ, лѣзь-ка сюда, ко мнѣ. Здѣсь-то холодная вода, вотъ-то холодная! Ступай ко мнѣ на колѣни! кричала дѣвушка, болтая въ ручьѣ ногами.

— Прочь оттуда, Юцаде. Зачѣмъ ты помутила воду! Прочь, сейчасъ! Или я стащу тебя за ноги! кричала ей хрипловая, старая цыганка, ея мать, Менъ-Ханъ.

— Оставь ее! вѣрная моя Менъ-Ханъ. Пусть ее тамъ прохлаждается. Ты достань-ка изъ арбы коверъ, да разстели его вотъ здѣсь, у ручья. Уже время мнѣ совершить умовеніе и вечернюю молитву. Я пока стану воздавать честь Пророку. Вы же, дѣти мои, разложите огонь, готовьте ужинъ и мягкія постели.

Говоря это своей Менъ-Ханъ , игравшей въ этомъ обществѣ роль первой жены, косматый Сиди-Брамъ набожно сложилъ свои руки, перешелъ на противоположную сторону дороги, склонился на каменный барьеръ ея и, устремивъ быстрые глаза свои на море , началъ провозглашать обычный призывъ правовѣрныхъ къ вечерней молитвѣ.

Высокій, чистый и довольно страстный голосъ Сиди однозвучными и невидимыми струнами скоро забрячалъ по всѣмъ скаламъ. Въ упругомъ воздухѣ, надъ спокойною пропастію онъ зазвучалъ тою сладостною для татаръ мелодіею , которою звучитъ тихо мѣющійся , въ спокойный часъ вечера, голосъ муллы съ высокой башни минарета.

Старый Сиди-Брамъ въ цыганскомъ табдрѣ этомъ былъ то, что называлось въ древности патріархомъ. Призывъ къ вечерней молитвѣ, которымъ въ настоящую пору огласилась торжественная тишина горъ и овраговъ, совершаемый былъ набожнымъ Сиди не ради одной только строгости выполнения обряда. Главнымъ побужденіемъ къ тому была задняя мысль Сиди, которая побудила

его и остановиться здѣсь на ночлегъ. Онъ думалъ, не удастся ли ему приманить къ себѣ Мухалатскихъ чабановъ и какъ нибудь пожить отъ нихъ свѣжей баранипой.

— Не дойдетъ мой голосъ, такъ огонь приманитъ ихъ, говорилъ про себя Сиди, переводя духъ послѣ долгаго и непрерывнаго крика.

Между тѣмъ, какъ набожный цыганъ совершалъ лукавый призывъ, старая Менъ-Ханъ раскинула у ручья цвѣтной коверъ, поставила на немъ два мѣдныхъ журавля съ водой и покрыла ихъ кускомъ бѣлой, шерстяной матеріи съ татарскимъ шитьемъ разныхъ каракулекъ. Олай-Баръ наполнилъ буйволовъ, ословъ и хромыхъ клячей и погналъ ихъ за скалу искать подножнаго корма и удобнаго ноглега. А прочія пзѣ сожительницъ Сиди и Олай-Бара, кто, сѣвши подъ колесомъ маджары, кормилъ грудныхъ ребятъ, а кто вмѣстѣ съ Юцаде покарabalкался на утесы собирать сушнякъ, зелень и коренья для ужина. Старая же Менъ-Ханъ принялась потомъ расташовывать кибитку, вынимать посуду, подушки, тюфяки, разворачивать шатры и т. п. дрянъ, которою набиты были до верха походныя ихъ юрты.

Кончивъ молитвенный призывъ, Сиди подошелъ къ ковру, скинулъ полуистоптанные свои туфли и съ видомъ глубокаго благоговѣнія босыми ногами ступилъ на приготовленное мѣсто. Омывъ руки, ноги, губы и грудь и вытершись кускомъ шерстяной матеріи съ шитьемъ, онъ перевязалъ свою чалму, обратился лицомъ на востокъ, сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, и началъ, перебирая четки, творить молитву, изрѣдка кладя на мягкій коверъ поклоны.

Минуть нѣсколько спустя, съ звономъ, стукомъ и крикомъ пронеслась перекладная. Лихой, рыжеволосый орловецъ, трясыйся на облучкѣ ея, поровнявшись съ таборомъ, закричалъ во все горло: „гей вы! вороны косматя! что на дорогѣ-то распатроились! Прочь!,,

Перекладная умчалась такъ быстро, что Сиди не слышалъ даже словъ ямщика и остался спокойнымъ по прежнему. По окончаніи молитвы, онъ поднялся на ноги, снова всматривался въ даль и возвратился къ своему товарищу.

— Олай, братъ мой и другъ! Что это ты хочешь дѣлать? спросилъ онъ его, увидя передъ Баромъ чуть не цѣлый лѣсъ сущяку изъ со-

сны и дубовъ, который тотъ притащилъ на себѣ изъ горъ.

— Да вотъ, братище, думаю все это порубить на дрова, развести огонь и приняться за молотокъ и наковальню.

— О, разумная у тебя башка, братъ мой Олай, сказалъ Сиди, любившій поощрять всякій трудъ Олая, а самъ, между тѣмъ, кромѣ жаренія шашлыковъ, игры въ рожокъ, въ дудку, отъ роду своего ничѣмъ больше не занимался. А какъ ты думаешь, дружище, прибавилъ онъ потомъ: услышатъ ли мой рожокъ тѣ чабаны, на которыхъ я тебѣ указывалъ, и догадаются ли они, что мы расположились здѣсь почевать?

— Тѣ-то, счастливецъ мой, не услышатъ. До нихъ голосъ твоего рожка едва ли дойдетъ за этими горами. Но погоди, на это есть другое средство. Сейчасъ я разложу костеръ. Огонь притянетъ ихъ къ намъ, навѣрное!

— Придти-то они придутъ, только бы замѣтили или услышали насъ. Чабанамъ, вѣдь, что накладъ набрести на нашъ таборъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что они ужъ замѣтили и услышали Юцаде. Я нарочно ее заставилъ бить

въ бубенъ и плясать не подъ варганъ все время ѣзды нашей отъ Мелаза.

— Волкъ чуетъ стадо по вѣтру, Сиди, а чабанъ замѣчаетъ цыганъ по дыму. Погоди-ка, сейчасъ я мѣхомъ раздую огонь по выше этой скалы, а стукъ моего молотка раздастся дальше твоего рожка.

— Мень-Ханъ, гдѣ мой рожокъ? Подай мнѣ его! Да отними изъ рукъ баланчука (дитяти) бурдюкъ (желудокъ налитый баран. саломъ). Онъ опять обѣстся однимъ саломъ и будетъ кричать на завину (желудочная боль).

Послушная Мень-Ханъ подала Сиди его рожокъ и вырвала изъ рукъ нагаго цыганенка бараній желудокъ.

Сиди отошелъ къ тому мѣсту, откуда недавно онъ прокричалъ призывъ и записчалъ такъ рѣзко и сильно, что всякій не привыкшій къ татарской музыкѣ, бѣжалъ бы за тридевять земель.

Олай-Баръ нарубилъ дровъ сложилъ костеръ, пристроилъ къ нему свой кузнечный мѣхъ и наковальню, развелъ огонь и принялся раздувать его мѣхомъ. Огонь быстро охва-

тиль весь костеръ и блѣдное его пламя повисло по сводамъ нависшей скалы.

Лишь только Олай-Баръ присѣлъ у наковальни, и иринулся за молотокъ, какъ ужъ почувствовалъ, что въ рукахъ у него зачесался цыганскій бѣсъ. Онъ грянулъ молоткомъ по наковальнѣ и ужъ началъ было подпрыгивать, какъ кузнецъ, кующій раскаленное желѣзо, но вспомнилъ, что въ другой рукѣ его еще не было ни желѣзныхъ клещей или щипцовъ, ни раскаленнаго желѣза. Олай-Баръ былъ то, что называется кузнецъ по страсти. Ковать что быто ни было и гдѣ бы то ни было—для него уже составляло верхъ всякаго наслажденія. Коваль онъ все, что только можно выковать изъ желѣза: начиная съ иголокъ, варгановъ и мелкокольчатыхъ цѣпочекъ докъ, ножницъ и лемишей для плуговъ. И все это онъ коваль только при помощи молотка, щипцовъ и наковальни. Кузнечное ремесло въ немъ наконецъ развилось до того, что онъ за око бараньяго сада, или за папушу крѣпкаго табаку даже дергалъ татарамъ зубы. Дантистическій способъ его не отличался ни особеннымъ механизмомъ, ни невѣрностію приемовъ. Зацѣ-

пить струной или проволокой за больной зубъ,
да потомъ, изъ подъ - тишка, сунеть между
глазь раскаленное до бѣла желѣзо, боль-
ной рванется назадъ, и зуба во рту какъ-буд-
то не бывало.

==

ГЛАВА II.

Татарскіе чабаны.

Между тѣмъ какъ Сиди нестерпимѣйшимъ образомъ писчалъ въ свой рожокъ, а живое воображеніе цыгана растравляло аппетитъ его свѣжимъ шашлыкомъ, палящее солнце спускалось къ закату. Томительная жара дня, разгорячившая песчинки и скалы, разварившая всѣ живыя твари отъ чловѣка до мельчайшаго жучка, обварившая вѣковые дубы и береговую осоку, буйволовъ и лѣсныхъ бѣлокъ, — жара эта съ наступленіемъ вечера снѣлась, слетѣла съ изнемогшей въ концѣ земли и какой-то бронзовой массой отлилась и остановилась въ одномъ воздухѣ.

Въ самомъ дѣлѣ горячій воздухъ подъ вечеръ ощутительно сгустился, посвѣжѣлъ и казался золотымъ, прозрачнымъ шаромъ. Вы-

сокій сводъ неба еще гуще и ярче заблестѣлъ синевою. На чистомъ полѣ его единственное облако казалось морской раковиной. Лучезарное солнце огненнымъ шаромъ катилось за далеко утопавшія въ небесной синевѣ зубцы Яйлы. Въ это время всѣ крымскія горы, казалось, освѣщены были бенгальскими огнями. Долины, въ которыя проникалъ еще лучъ заходящаго солнца, освѣтились будто электрическимъ свѣтомъ такъ четко, ясно, что за десять верстъ можно было на каждомъ дубѣ или каштанѣ сосчитать вѣтви и листья, въ роскошныхъ виноградникахъ различать янтарные и яхонтовые грозды. Море казалось то синими, то изумрудными горами, хотя воздухъ былъ тихъ и спокоенъ. Глухой гулъ пѣвистыхъ, мѣрныхъ и невѣсть какими вѣтрами вздутыхъ волнъ его, мало по мало переходилъ въ тотъ торжественный мотивъ, подъ звуки котораго такъ чудно грезить и мѣлеть роскошная и сладострастная ночь Крыма.

— *Ля-ля, кошкѣде, ля, кошкѣде!* (ба, ба! здравствуйте!), радостно, но не теряя важности своего вида и приложивъ руку къ сердцу, закричалъ косматый Сиди, спѣша на встрѣ-

чу двумъ чабанамъ, которыхъ вела за собою его рѣзвая Юцаде.

На привѣтствіе стараго цыгана чабаны отвѣчали тѣмъ же : наклонили головы, приложили руки къ сердцу и повторили: *кошкеде, кошкеде* (привѣтствіе).

— Узнаешь, отецъ, сказала Юцаде, старыхъ друзей нашихъ : Османъ-Чохъ и Селимъ-Бей.

— Го, го, го ! Османъ-Чохъ, Селимъ-Бей, старые друзьяки, счастливые чабаны Мухалатскіе. Откуда она васъ выконала ? Вотъ ужъ я васъ никакъ не ждалъ ! кричалъ Сиди, радушно хватая ихъ за полы и таща къ пылавшему костру, гдѣ Олай-Баръ давно уже пристроился съ кузницей и гартовалъ раскаленную сталь.

— Великъ Богъ ! Сиди-Брамъ, старый другъ и счастливый цыганъ ! Мы и тебя ни какъ ни думали бы здѣсь встрѣтить. Пасли мы отару въ Менъ-гмы-ханскомъ оврагѣ, оба лежали подъ скалой, какъ вдругъ услышали вѣжннй голосъ, глядимъ вверхъ : на скалѣ пляшетъ твоя Юцаде, мы ее тотчасъ узнали, да вотъ и зашли къ тебѣ въ таборъ.

— Клянусь, друзья, вы для меня дороже дочери моей, дороже жонъ моихъ, счастливые гости! Но благословенъ часъ вечера. Ступите на этотъ коверъ и прежде всего совершите во славу Пророка омовеніе.

Мухалатскіе чабаны Османъ-Чохъ и Селимъ-Бей положили на земь свои длинныя палицы, сняли съ себя башлыки изъ бѣлаго сукна, оставили чохи (башмаки) и босикомъ ступили на коверъ, совершили умовеніе рукъ и ногъ и, сѣвъ на турецки, долго сохраняли глубокое молчаніе.

По окончаніи обряда заботливый Сиди усадилъ гостей своихъ у огня. Чабаны тотчасъ достали свои трубки и начали продувать ихъ. Зная порядокъ гостепринимства, Сиди передалъ имъ свой кисеть съ табакомъ. Гости набили изъ него свои трубки. Юцаде съ одной изъ молодыхъ цыганокъ, возвратившихся тѣмъ часомъ въ таборъ, преклонивъ передъ гостями колѣни, подожилъ въ трубки ихъ огня.

За тѣмъ Сиди и Олай набили свои трубки изъ кисетовъ чабанскихъ; женщины подали огня, и началась курьба.

Между тѣмъ солнце закатилось. Длинныя

тѣни колоссальныхъ горъ мало по мало слились съ вечерними парами. Мракъ долинъ и ущелій дыбился выше и выше, постепенно скрадывая то лѣсъ, то горы, то приросшія къ скаламъ вдали татарскіе деревеньки. Море будто надулось, распухло и хлынуло въ горы.

Въ цыганскомъ таборѣ царствовало въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ глубокое молчаніе.

Крѣпкій табакъ, красота мѣняющихся вокругъ видовъ, упоительная свѣжесть вечерняго воздуха, гармоническій стонъ моря, высоковозлѣтавшее бѣгущими неленами пламя костра, яркій его отблескъ, все это вмѣстѣ, по видимому, сильно располагало воображеніе гостей и хозяевъ къ безотчетнымъ мечтамъ, къ тихой, задумчивой бесѣдѣ. Но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ.

Въ воображеніи Сиди уже вертѣлся шашлыкъ. Но цыганъ мучительно еще колебался въ выборѣ вѣрнѣйшаго изъ тысячи, вдругъ представившихся ему средствъ къ осуществленію сладостной цѣли. Османъ-Чохъ не отрывалъ страстнаго взора отъ Юцаде. Товарищъ его Селимъ-Бей отъ очей цыганки Хабы таялъ какъ воскъ отъ огня. Олай-Баръ томился ветер-

пѣніемъ удивить чабановъ разнообразіемъ и красотою своихъ издѣлій. А старой Менъ-Ханъ сильно хотѣлось поворожить на чабанское счастье. Даже курчавый цыганенокъ, курившій уже трубку, не прочь былъ обшарить чабанскіе карманы и украсть какую нибудь пуговицу или мѣдный мотылекъ отъ ихъ гайтановъ.

Сиди прежде всѣхъ удалось разрѣшить это общее томленіе. Пламенные взгляды чабановъ на Юцаде и Хабу не ускользнули отъ зоркихъ глазъ цыгана. На нихъ-то онъ основалъ планъ свой.

— А ну, золото мое, Юцаде! Полно тебѣ въ кибиткѣ копать! привела дорогихъ гостей да и бросила. Поди-ка сюда, да заморожи счастливому Османъ-Чоху; порадуй его великимъ его счастьемъ. Онъ человѣкъ щедрый и не пожалѣетъ уже для тебя одного баранчика за твою правду и хорошую вроду! началъ Сиди, впившись зоркими своими глазами въ блестящіе глаза чабана и слѣдя за всѣми движеніями въ лицѣ его.

Юцаде съ быстротою серны подскочила къ Османъ-Чоху, и, взявъ его руку, поднесла ее къ жаркимъ своимъ губкамъ и начала

дуть на ладонь. Потомъ пристально пересмотрѣла на рукѣ всѣ черты, опустила ее на свои колѣни и, впиваясь своими глазами въ глаза чабана, начала такъ: „Очи твои, Османъ, тихое море. По зеркалу моря пробѣгаютъ тѣни облаковъ, летучихъ птицъ, и видны въ немъ горы, лѣса и барскіе хоромы. Въ морѣ твоихъ очей я вижу тѣнь твоего счастія. Ты будешь, Османъ, счастливѣе самаго Керымъ-Гирея съ тѣхъ поръ, какъ полюбишь, какъ не пожалѣешь ничего для выкупа своей рабыни, прекрасной какъ морская волна, и жгучей какъ кипящее сало. — Ты будешь жить съ нею въ садахъ Эдема. Она обворожитъ тебя.“

Отъ словъ этихъ вся кровь Османъ-Чоха кинулась въ лице, глаза его помутнились, голова горѣла, языкъ замолоть какую-то дичь.

Но Юцаде, какъ тѣнь скользнула въ сторону; схватила свой бубенъ и закружилась во кругъ костра въ летучемъ танцѣ. Цыгане и цыганки расхохотались. На Османъ-Чоха, казалось, напалъ столбнякъ.

— Что жъ, мудрый мой Селимъ-Бей, золотой дружище! Купи у меня хоть вотъ эти

джермела, а не то криду, или хоть пару этих долотъ. Ей, лучшихъ ни кто тебѣ не сдѣлаеть! Вишь, какія славныя! говорилъ Олай-Баръ другому чабану, вертя передъ глазами его то желѣзными щипчиками, то огнивомъ. — Я тебѣ, гейко, дружище, отдамъ ихъ ни за что. А, хочь, промѣню. Дашь смушокъ съ рудаго чундака-лентара за эти ножницы токмо, или тебѣ еще и въ придачу что-нибудь прикинуть? Рышай, брате! Ну!

Но глаза мудраго Селимъ-Бея давно уже не отрывались отъ Хабы, сидѣвшей противъ него у костра. Онъ или совсѣмъ не слышалъ словъ кузнеца или слышалъ ихъ только въ половину и отвѣчалъ ему на все однимъ словомъ „іохтуръ“ (нѣтъ).

— Да полно тебѣ, Олай! Не насмучай ему. Развѣ не видишь, что у Селима есть и джермела и огниво. Вотъ онъ, мое сердце, купить у меня гребешокъ подхватила Хаба, вертя въ рукахъ своихъ мѣдный гребень.

Говоря это, Хаба приблизилась къ Селиму и, устроивъ зубцы гребня въ склокоченные волосы чабана, начала чесать ему голову.

ривала : „Саибъ Османъ, чабанъ Османъ. Не пожалѣй, оглы-Исламъ, не пожалѣй, на свое счастье, положить мнѣ на ручку овцу чундучку. Пожалѣешь, не будетъ тебѣ ни счастья ни пригоды.“

— Османъ, золото! кричалъ Сиди, заграждая ему собой дорогу, и не гонись за нею. Право, не гонись! Ее ничѣмъ не поймашь, коли сама добровольно не сдается. Пусть ей сей да той! Великую правду говорю тебѣ, оме золото, накорми ихъ шашлыкомъ! Тогда онѣ сами подойдутъ къ тебѣ.

— Да присмотрись - ка таки хорошенько, что за сталь, что за доброта! Эхъ моимъ молоткомъ твое желѣзо ковати! говорилъ Олай-Баръ, вырубая новымъ огнивомъ изъ кремня передъ глазами Селима цѣлый потокъ искръ, разсыпавшихся огненными брызгами. Не то, хочь, къ огниву прикину тебѣ еще одно долото въ придачу за одинъ смушекъ на шапку. Рѣшай, брате, Селимъ, по сущей правдѣ! Ну!

Обмороченные чабаны увидѣли, что съ цыганами и съ цыганками имъ справится не такъ легко, какъ казалось, и оба закричали :

„бери баранъ, бери кожухъ! Кушай шашлыкъ, Юцаде! Рѣжь шашлыкъ, Хаба! дери кожухъ калтунъ, Олай“ и т. п.

Сиди этого только и ждалъ отъ нихъ. По грубымъ понятіямъ цыгана, красота дочери его такъ же точно должна служить орудіемъ дневнаго пропитанія отца, какъ ея руки умъ, здоровье и прочіе физическія способности женщинъ.

Дочерьми своими цыганъ готовъ торговать какъ огнивами, варганами и т. п. вещами, не стѣсняя впрочемъ тѣмъ свободы чувствъ ихъ. Цыганка отдается только тому мужчине, который или ей понравился и полюбилъ ее, или осыпалъ ее подарками, какихъ она потребовала бы отъ него.

Но при всей дикости своихъ понятій объ отношеніяхъ браковъ и родства, крымскіе цыгане во всѣхъ другихъ отношеніяхъ очень честны. А потому какъ честный цыганъ, и Сиди не захотѣлъ воспользоваться вполнѣ безумнымъ увлеченіемъ своихъ гостей, да и не въ натурѣ цыгана желать многого. О завтрашнемъ днѣ онъ рѣдко думаетъ сегодня. „Будь добръ и честенъ, и кушай маханъ бу-

дешь“, твердить поговорка крымскихъ цыганъ по русски, а вмѣстѣ съ тѣмъ она же служить имъ правиломъ или девизомъ ихъ жизни. Что касается до Сиди, то на этотъ разъ онъ порѣшилъ тѣмъ, что уговорить мудраго Селимъ-Бея вмѣстѣ съ Олаемъ пойти въ чабанское стадо и, выбравъ барана, притащить его въ таборъ. Селимъ и Олай ушли. А Сиди межъ тѣмъ занялся приготовленіемъ всего нужнаго для скорѣйшаго изготовленія ужина.

Между тѣмъ уклончивость Юцаде часъ отъ часу становилась для Османа хуже всякой пытки. Послѣ всѣхъ попытокъ склонить цыганку къ прежней ея любезности и къ воровствѣ, чабанъ взялся за умъ и рѣшился побѣдить ее своимъ хладнокровіемъ. Онъ воротился къ костру, сѣлъ у огня, раскурилъ трубку и пересталъ не только гоняться, но говорить и даже смотрѣть на Юцаде, словомъ, онъ рѣшился не обращать на нее ни малѣйшаго вниманія.

Но Юцаде одного этого, казись, только и хотѣлось. Тутъ-то она, во-первыхъ, какъ женщина, не смотря на свою молодость, а во-вторыхъ, какъ цыганка, доказала все свое пре-

восходство надъ мужчиной и вмѣстѣ съ тѣмъ татаривомъ, полудикимъ чабаномъ мухалатскимъ, Османъ-Чохомъ, при всѣхъ правахъ полюднаго, при пылости и красотѣ его. Она и Хаба рѣшились, во что бы то ни стало, свести чабана съ ума окончательно.

Лишь только сѣлъ онъ у костра и раскурить трубку, Юцаде крѣпко опоясалась краснымъ поясомъ, вытканномъ ею же изъ козьей шерсти. Сзади головы своей привязала кусокъ полушелковой ткани, которая развѣвалась бѣдой косой. Укрѣпила на ногахъ кастаньеты а на шеѣ дукаты, и снова принялась за барабанъ. Хаба же; черезъ плечо повязала себѣ красный платокъ, къ перламутровой бѣлизны зубамъ прилежила стальной, работы Олай-Бара, и жуажащій варганъ, и обѣ, одна забивъ въ бубенъ, другая наигрывая на варганѣ, вихремъ взметнулись въ воздухъ; закружились, задрожали. Онѣ пѣсали „халвахру“ (любимый свой танецъ).

Быстрота движеній ихъ, пластическая стройность и игривость приемовъ, мягкая гибкость колебаній и стремительность скачковъ, звѣнящій стукъ бубна, огонь увлеченія, глазъ и ди-

кіе крики вмѣстѣ съ заревомъ костра совершенно обморочили чабана. Онъ сидѣлъ какъ бы прикованный къ одному и тому же мѣсту и только порой раздражался то дикимъ гикомъ, то движеніями, то словомъ якши (хорошо). Короче, чабанъ весь утопалъ въ томъ необозримомъ морѣ чувствъ и быстрыхъ ощущеній, въ какихъ утопаетъ крымскій грекъ, кушающій маринованную рыбу кефаль *).

Не прошло и часу, какъ Олай воротился въ таборъ съ бараномъ на плечахъ. За нимъ Селимъ-Бей принесъ бурдюкъ съ бараньимъ саломъ, — подарокъ, назначенный для Хабы. При видѣ барана, Сиди самъ пустился въ пляску. Схвативъ съ плечь Олая блѣвшаго чундука, онъ прежде всего расцаловалъ его глаза, рога и даже морду; позвалъ Мень-Ханъ, вынулъ изъ мѣшка ножъ и въ одно мгновеніе перерѣзалъ ему горло. При видѣ жертвы своей, Сиди и Мень-Ханъ улыбались, переглядываясь, молча. Кремпиль висѣлъ уже на дрючкѣ, укрѣпленномъ въ колеса маджары. Радостный Си-

---

*) Кефаль, салтанка и макрель — рыбы, ловящіяся по преимуществу въ Балаклавскомъ заливѣ.

ди распоролъ заднія пахвы барана и съ помощію Олая повѣсилъ его на кремпиль. Подъ стекавшую кровь Мень-Ханъ подставила другой тазъ. У Сиди не хватило терпѣнія даже на то, чтобъ обѣловать всего барана. Онъ спустилъ съ него шкуру только до половины. Остальное предоставивъ Олаю, самъ отрѣзаль часть пахвы, разрубилъ ее на мелкіе кусочки, нанизаль ихъ потомъ на деревянную спичку, съ неизъяснимымъ наслажденіемъ присѣлъ на короткахъ у огня и началъ жарить „шашлыкъ“. Курчавый цыганенокъ помѣстился тутъ же и на-лету голыми руками своими ловилъ капли стекашаго жира и крови, которыя ронялись съ жарившагося надъ огнемъ мяса.

Въ то время, какъ Сиди жарилъ шашлыкъ, а Олай доканчиваль обѣловку барана, цыганки принялись тоже за стряпню.

Однѣ изъ нихъ начали варить „щурбу“. Въ котель налили пополамъ съ водой „катыку“ (кислое молоко отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 1-го года), всыпали туда же нѣсколько просяной муки, замѣшали и, вбросивши въ эту мучнистую простоквашу нѣсколько кусковъ баранины, начали все это кипятить. Другія межъ тѣмъ при-

готовляли что-то въ родѣ жаркаго изъ кусковъ бараньяго хвоста. Скорѣ ужинъ поспѣлъ. Цыгане и чабаны совершили омовеніе. Сѣли въ одинъ кружокъ съ женщинами и, безъ хлѣба, безъ соли, безъ ложекъ и вилокъ принялись уплетать роскошное это блюдо. Роль музыкантовъ за цыганскимъ ужиномъ исполняли сверчки, мыши и ночныя птицы въ скалахъ, да величественный гулъ стихавшаго моря.

Между тѣмъ мракъ ночи и туманъ сгустились до такой степени, что все превратилось въ одну черную мглу, среди которой, какъ въ центрѣ мрачнаго хаоса, единственной свѣтящей точкой былъ цыганскій костеръ, единственными предметами казалось, были только тускло-озаренныя дрожащимъ свѣтомъ костра: бока колоссальной скалы, шумный кружокъ цыганъ и чабановъ, полуосвѣщенныя части колесницъ и ничего больше.

Но скоро вся эта мгла взволнована, потрясена была другимъ хаосомъ—звуковъ, разносившихся въ горахъ то эхомъ страшныхъ стоновъ, то нѣжнымъ шопотомъ примиренія, ласкъ, любви и сладостнаго упоенія. Только одно море, исчезнувшее въ глубокомъ мракѣ, въ

состояніи поразить душевный слухъ чловѣкатакою грандіозною и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельно-прекрасною гармоніей. Только совершенное отсутствие всякаго свѣта въ состояніи открыть душевный слухъ его для подобныхъ звуковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ среди бездн хаотической мглы въ разныхъ мѣстахъ обозначились какія-то пятна, до того слабого и неопредѣленнаго свойства, что нѣжныхъ при-мѣтъ ихъ нельзя было назвать ни свѣтомъ, ни тьмою; короче, то было первое появленіе луннаго свѣта на вершинахъ Яйлы. Черезъ минуту пятна тѣ казались уже клубами сѣраго дыма, полосами нѣжнѣйшей, бѣлой кисеи, бѣлыми и надутыми парусами. Скоро волнистыя эти полосы кисеи и надутыя паруса упали на какія-то колоссальныя фигуры бѣлыми чехлами. А еще черезъ минуту, поверхъ глубокаго мрака появилось множество будто гигантскихъ призраковъ въ бѣлыхъ саванахъ. Толпы ихъ поминутно росли въ числѣ и въ объемѣ. Однѣ изъ нихъ казались неподвижными; другія суетились, катались, спускались внизъ, прыгали вверхъ, или, поглощая другъ друга, превращались въ меловыя горы. Вдругъ по всѣмъ главамъ

этихъ бѣлыхъ призраковъ рассыпались серебристые волосы косы еще не зримой красавицы, и потомъ выглянулъ и постепенно началъ вырѣзываться и меланхолическій, полный ликъ луны. Онъ вырѣзался и какъ-бы сталъ на огненномъ пьедесталѣ изъ золотыхъ полукруговъ, отброшенныхъ безконечной, дрожащей лѣстницей въ взволнованное море. Творецъ мой, какъ прекрасна крымская луна! въ бѣлой и длинной своей мантиѣ, распушенной по позлащеннымъ крыльямъ морскихъ тумановъ! Пуки золотыхъ стрѣлъ засверкали вдоль по темной пучинѣ моря бѣло-огненной полосой. Толпа суетившихся призраковъ была поражена однимъ ударомъ ихъ. Мистическая завѣса спала. Верхушки горъ и движущіеся клубы морскаго тумана озарились во всей красотѣ и грандіозности фантастическихъ формъ своихъ.

Казалось, за восходомъ луны послѣдовалъ бѣлый день съ яснымъ, но холоднымъ солнцемъ, величественно всплывавшемъ на темно-голубой сводъ высокаго неба. Мерцающіе хоры звѣздъ незамедлили раскинуться необъятной сѣтью цвѣтныхъ огоньковъ.

Окрестности табора, дорога и овраги исчезли

пока еще во мракѣ. Сквозь ущелья и промежутки восточныхъ горъ лунный свѣтъ прошелъ множествомъ свѣтлыхъ, косвенныхъ полосъ. Казалось, что надъ цыганскимъ таборомъ протянулось нѣсколько кусковъ бѣлаго батиста.

Послѣ ужина цыганъ и цыганокъ сильно клонило ко сну. Олай легъ на боковую у костра, раскурилъ трубку, разнѣжился у огня и скоро замолоть всякій полусонный вздоръ объ кузнечномъ своемъ искусствѣ, да тутъ же и захрапѣлъ. Старая Мень-Ханъ съ рябой, простоволосой Ханымъ и курчавымъ цыганенкомъ зарылись въ тюфяки и подъ подушки.

— Да полно тебѣ зѣвать, добрый мой Сиди, сказалъ Османъ-Чохъ, давно уже примирившійся съ Юцаде. Стунай-ка сюда. Я намѣренъ переговорить съ тобой объ очень важномъ дѣлѣ.

Въ это самое время товарищъ его Селимъ-Бей, не желавшій, вѣроятно, быть свидѣтелемъ разговоровъ своего друга съ Сиди, или скорѣе, чтобъ Сиди и Османъ не были свидѣтелями его разговоровъ съ Хабой, удалился отъ костра къ цыганской кибиткѣ.

==

ГЛАВА III.

Алимъ.

Послѣ обильнаго ужина Сиди едва держался на ногахъ. Стопудовая тяжесть его желудка, нѣга и сладость ошущеній тяжело варимой пищи, пріятный гнетъ позыва ко сну такъ одолѣли цыгана, что онъ не слышалъ даже послѣднихъ словъ Османъ-Чоха. Цыганскаго сердца не тревожила даже ревность. Любовь и преданность его были выше всякихъ подозрѣній. Женъ и дочь свою цыганъ любилъ не ревнуя. Коли самъ онъ сытъ и сыты его жоны, дочь, — цыганъ вполне счастливъ. Онъ любить ихъ выше всего на свѣтѣ, и въ этомъ заключается у цыганъ вся сила нѣжнаго сердца отца и мужа.

Не помышляя ни о чемъ болѣе, кромѣ постели, Сиди ошупью и крехтя пробирался уже къ ней. Но повтореніе словъ Османъ-Чоха на минуточку его остановило.

— А на что я тебя теперь пригожусь? отвѣчалъ онъ чабану, придерживаясь за колеса маджары.

— Добрый, любезный Сиди-Брамъ! Продай мнѣ, дружище мой, твою дочь Юцаде! говорилъ Османъ.

— Да бери ее съ руками и ногами, пока она не проснется. Мнѣ ее не нужно. Бери, сдѣлай милость, а мнѣ дай успокоиться.

— Нѣтъ, Сиди, безцѣнный мой Сиди! Ты продай мнѣ ее, продай какъ рабу, какъ жену.

— Что это тебе вздумалось теперь жену покупать? Завтра сторгуемся, а теперь ложись себѣ да спи!

— Сиди Брамъ! я не лягу и тебѣ всю ночь спать не дамъ, не дамъ, пока не услышу, что ты хочешь за прекрасную свою дочь; какой колымъ за нее заплатитъ тебѣ?

— А что ты дашь за нее? Дашь пять барановъ, пару коней и въ придачу десять карбованцовъ?

— Десять барановъ и пять лошадей даю тебѣ за Юцаде! сказалъ Османъ. . . . .

— Стой, и ни съ мѣста дальше! внезапно раздался въ темнотѣ чей-то голосъ, повидимому вблизи табора.

Отвѣтъ Сиди замеръ на губахъ его. Въ таборѣ воцарилась глубокая тишина. Змѣйки синихъ огоньковъ бѣгали еще по потухавшему костру.

— Что за люди? повторилъ тотъ же голосъ грознѣе прежняго.

— Умбаши (десятникъ),— было ему отвѣтомъ другаго голоса въ темнотѣ близъ табора.

Сиди и Османъ-Чохъ впились своими глазами въ ту сторону, откуда послышались голоса. Три человѣческихъ фигуры обозначились во мракѣ. Онѣ стояли среди дороги одинъ изъ неизвѣстныхъ былъ верховой, и прежде чѣмъ чабанъ и Сиди успѣли по наружности фигуръ догадаться, что за люди были эти ночные гости, разговоръ ихъ продолжался такъ:

— А зачѣмъ же ты веревкой перетянулъ ему горло, и человѣка ведешь какъ собаку? Отпусти ему горло, сними съ него веревку! или я тебя заставлю это сдѣлать вотъ чѣмъ...

Чабанъ и Сиди замѣтили, что сидѣвшій на конѣ погрозилъ плетью на человѣка, который велъ другаго человѣка на веревкѣ.

— Яманъ... анасыны... гай! я умбаши.

— Ахъ ты мерзавецъ! Вотъ я тебя покажу какой ты умбани!

Вслѣдъ за этимъ раздались удары всадника и крикъ того, на чью спину и плечи они посыпались.

Юцаде проснулась и дрогнула на рукахъ чабана какъ птичка.

— Ай... отецъ мой, брать... Олай, гдѣ вы? Тамъ крикъ!..убійство...закричала она отчаянно.

— А, тутъ не спать еще! Ступай-ка за мною къ огню!.. тамъ я проучу тебя какъ водить своего же брата на веревкѣ, какъ собаку. Говоря это, полусвѣщенный всадникъ, держа за руку неизвѣстнаго человѣка, не выпускавшаго изъ рукъ своихъ веревки, на которой велъ онъ другаго человѣка, приблизился къ цыганскому костру.

— Гей! кто тутъ есть? Подложите дровъ на костеръ! кричалъ всадникъ.

Сонъ и лѣнь Сиди пропали безъвѣсти. Онъ кинулся къ костру и закидалъ его вѣтвями и щепками. Огонь вспыхнулъ. Цыгане и чабаны съ ужасомъ увидѣли передъ собою на отличномъ татарскомъ скакунѣ человѣка, съ ногъ до головы вооруженнаго по черкески. Надѣтый на

голову черной башлыкъ, скрывалъ всю фигуру всадника и задъ его коня. Только глаза незнакомца сверкали не менѣе глазъ скакуна его. А грозныя черты лица, усы и голосъ этого ночнаго гостя дополняли всю суровую его важность.

Обвѣщенный холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, всадникъ соскочилъ съ коня и, обращаясь къ Сиди, сказалъ :

— Возьми, Сиди-Брамъ, моего машака и накорми его, коли у тебя есть чѣмъ.

Потомъ сжавши рукой грудь татарина, называвшаго себя умбаши, продолжалъ :

— Скажи-ка мнѣ, за чѣмъ ты его ведешь какъ собаку ?

Умбаши вспыхнулъ, и, браня незнакомца, хотѣлъ вырваться. Но почувствовавъ всю силу руки его сжавшей, онъ тотчасъ понялъ, что дѣло плохо.

— Онъ мой должникъ! рабски отвѣчалъ умбаши. Онъ мнѣ денегъ не платитъ и бѣгаетъ по лѣсамъ. Я поймалъ его и веду въ расправу! говорилъ умбаши по татарски.

Всадникъ выхватилъ изъ-за пояса свой кинжалъ и, разрѣзавъ веревку, освободилъ бѣдняка.

Почувствовавъ свободу, полунагой, жалкій

и измученный татаринъ, повалился къ ногамъ своего освободителя, закричалъ Аллахъ и началъ цаловать его ноги и края одежды.

— Откуда ты? спросилъ всадникъ умбаши.

— Изъ Алушты, отвѣчалъ тотъ, не смѣя пошевелиться.

— Сколько онъ тебѣ долженъ?

— Пять карбованцевъ (руб. сер.) мнѣ, да еще сосѣду моему три.

— Возьми эти деньги и заплати свой долгъ! сказалъ вооруженный всадникъ, бросивъ пять полуимперіаловъ въ дрожавія руки должника. Потомъ обратившись къ изумленному и перепуганному умбаши, продолжалъ: а ты, другъ, впередъ не смѣй трогать его больше. Слышишь? Не то, не спосить тебѣ своей башки на плечахъ. Это говорить тебѣ „Алимъ“!

При одномъ этомъ имени страхъ и изумленіе выразились на лицахъ оцѣпенѣвшей группы.

— Старый Сиди! Есть ли у тебя что-нибудь поѣсть намъ? спросить Алимъ.

Проворнѣе кошки Менъ-Ханъ бросилась къ Алимѣ, схватила его руки и, покрывая ихъ поца-

луями, говорила: „джанымъ, джанымъ Алимъ! Аллахъ джанымъ!“ Потомъ, съ видомъ рабыни или нѣжной любовницы, она примчала и поставила передъ нимъ остатка своего ужина.

Олай-Баръ, какъ заяцъ, выхватился изъ теплой своей берлоги, бросился къ Алиму и, выражая всѣ знаки своей любви, предложилъ зажарить для него цѣлаго барана, не смотря на то, что отъ ужина оставалась только меньшая его половина.

— А гдѣ же дочь твоя, Менъ - Ханъ, Юцаде, которую зналъ я, когда она была еще ребенкомъ и носила на головѣ своей кувшины съ водой? спросилъ Алимъ, садясь у костра и жестомъ своей руки приглашая къ тому же освобожденнаго должника и умбаши.

При этомъ вопросѣ Османъ, все время изумленно озиравшій Алима, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что Алимъ однимъ выговоромъ имени Юцаде поразилъ его, какъ кинжаломъ.

— Юцаде! шепотомъ сказалъ онъ двушкѣ, бѣги... онъ разбойникъ!..

— Юцаде, гдѣ ты? спросила Менъ-Ханъ, ничего не видя и не слыша кромѣ Алима и его рѣчи. О, помню, помню Саибъ-Алимъ, какъ ты ласкалъ тогда меня и мою Юцаде. Она была тогда еще дитятей. Но теперь она чудо у меня, и пляшетъ и поетъ не хуже, какъ я сама, — когда-то пѣла и плясала! продолжала Менъ-Ханъ Саибъ-Алиму, какъ она его величала, желая тѣмъ воскресить хоть часть прежнихъ чувствъ своихъ къ нему.

Въ это время луна пробиралась по ущелиямъ далекихъ горъ. Яснымъ свѣтомъ ея на минуту былъ озаренъ весь таборъ. Алимъ сверкающими глазами окинулъ весь цыганскій ночлегъ. Стройная дѣвушка сидѣла на колѣняхъ чабана. Старый пріятель его Сиди-Брамъ разнуздывалъ и поилъ его машака. Подъ кибиткой и маджарой разостланы были цыганскія постели. Въ нихъ спали дѣти и цыганки. Селимъ-Бей, помѣстившагося въ одной изъ постелей, Алимъ счелъ за цыганку Олай, двоюродный братъ Сиди, уже держалъ въ рукахъ корзинку наполненную его собственными издѣліями и готовъ былъ начать торгъ съ новыми гостями.

Осмотрѣвши таборъ, Алимъ снялъ съ себя башлыкъ. Лунный свѣтъ блеснулъ на дорогой оправѣ его кинжала, пашки, пистолетовъ, ружья, на ножъ и на перевѣсяхъ.

— Ну, кунакъ! сказаалъ Саибъ татарину, у котораго за часъ передъ тѣмъ на шеѣ моталась веревка. Садись-ка ко мнѣ ближе, да откушаемъ вмѣстѣ. А умбаци, вѣрно, не голодень. Онъ покурить пока изъ своей трубки здѣсь же у костра, а дальше, — ни шагу!

— Ахъ, Саибъ! мой Саибъ! Какъ давно мы съ тобой не видались! Какъ часто я тебя вспоминала и скучала безъ тебя, безцѣнный мой Алимъ! говорила Мень-Ханъ, цалуя полы его суконнаго бешмета и носки истершихся сафьянныхъ сапоговъ.

— Не объ этомъ, теперь рѣчь, добрая Мень-Ханъ. Я очень голодень. Есть у тебя свѣжая баранина?

— Есть, мое золото, Саибъ! все будетъ для тебя!

— Ну, такъ угости же насъ хорошимъ, свѣжимъ шацлыкомъ. Вѣдь мнѣ рѣдко приходится встрѣчаться съ такими радужными друзьями,

какъ вы. Не откажитесь же накормить! Вотъ шесть дней, какъ я питаюсь однимъ чурекомъ!

Менъ-Ханъ и Олай дружно принялись готовить свѣжій ужина для Саиба. Сиди наполнилъ его коня, досталъ волосяную торбу съ ячменемъ, натянулъ ее на морду машака, новодомъ привязалъ его къ маджарѣ и хотѣлъ приблизиться къ Алимю.

— Нѣтъ, мой вѣрный Сиди! ты машака моего такъ не бросай. Будь при немъ безотлучно. Знаешь ли, коли охотники въ лѣсу, такъ звѣрь изъ лѣсу. Орла безъ крылъ вороны заклюютъ.

— Умбаши! сказалъ Саибъ, обратившись къ десятнику. Скажи-ка ты мнѣ, что говорятъ у васъ объ Алимѣ?

— Слышно, что тебя ищутъ вездѣ, на всякомъ деревѣ въ лѣсу и подъ всякимъ камнемъ въ горахъ, да нигдѣ найти не могутъ. Думаютъ у насъ, что ты превращаешься то въ птицу, то въ камень.

— Хорошо, умбаши! Возьми это, сказалъ Алимъ, подавая десятнику два рублевыхъ билета.

Кредиторъ и бывший его должникъ еще разъ бросились къ ногамъ Саиба, облобызали края одеждъ его, приложили руки къ сердцу, возвели глаза на небо и, произнося : „Аллахъ-Билляхъ! Саибъ-Алимъ!..“, пошли по дорогѣ и скоро скрылись въ тѣняхъ отъ грозныхъ скалъ.

Въ это время раздался звонъ почтового колокольчика и черезъ минуту мимо табора проскакалъ почтовый фургонъ. Въ немъ подирывивалъ полусонный почтальионъ, а ямщикъ татаринъ, гоня, что естъ духу лошадей, кричалъ отрывистое „гу...“.

Заслышавъ звонъ колокольчика, Алимъ всталъ, подошелъ къ своей лошади, сорвалъ съ морды ея торбу и, взявшись за поводъ, началъ всматриваться, кто ѣдетъ.

Но почта быстро пронеслась мимо. Алимъ приказалъ Сиди снова навѣсить торбу и въ то время какъ цыганъ началъ исполнять его волю, онъ шепнулъ ему на ухо: „старый другъ, будь зорокъ и неотходи отъ коня моего. Смотри разомъ во всѣ стороны. На этихъ татаръ, что сейчасъ отпустилъ, я не полагаюсь. Они болтливы какъ сороки и тотчасъ расскажутъ гдѣ и какъ они меня видѣли.“

Между тѣмъ состояніе Юцаде похоже было болѣе на страдательное очарованіе во снѣ тѣмъ на дѣйствительное. Первый испугъ ея отъ внезапнаго крика и появленія татаръ и Алима тотчасъ замѣнился удивленіемъ ея. Она все видѣла, слышала и всему дивилась, но ни чего не понимала. Величественная осанка Алима, стройная и красивая наружность, наконецъ его богатство и щедрость невольно околдовали молодую и впечатлительную цыганку.

Душа Юцаде глубоко поражена была трепетомъ влеченія и какого-то невольнаго страха къ Саибу. Вольное сердце ея, еще не знавшее оковъ страсти, застучало въ груди ея какъ мельничная шестерня. Отъ произнесенія Алимомъ имени цыганки Османъ-Чохъ почувствовалъ, что въ сердце его впиалась змѣя; а въ душѣ самой дѣвушки произошло что-то необыкновенное. Вся кровь ея бросилась въ голову и тотчасъ же опустилась. Лице ея казалось блѣднѣе луннаго свѣта въ горахъ. Оконечности рукъ и ногъ ея сдѣлались холодны какъ мраморъ. Ни одно слово, ни одно движеніе Алима не ушло отъ на

пряженнаго ея вниманія. Еслибы даже Османъ-Чоуху вздумалось задушить Юцаде, цыганка, навѣрное, не почувствовала бы даже предсмертныхъ своихъ мукъ.

Пораженное присутствіемъ Алима, сердце цыганки замерло въ ощущеніяхъ непонятнаго для нея влеченія. Чувствительность дѣвушки вполне парализирована была неотразимо-могучею силою внутренней борьбы ея.

Мать ея, старая Менъ-Ханъ, всю жизнь свою занималась ворожбой, на странная ма-нипуляціи, дуновенія и круги которой можно смотрѣть какъ на произвольное примѣненіе изуродованныхъ понятій и силахъ животнаго магнетизма. Менъ-Ханъ изучила не только цѣлебныя свойства травъ, соковъ, деревьевъ, крови животныхъ, насекомыхъ и гадовъ, но знала еще свойства многихъ ядовъ; короче сказать, она была отличнымъ знатокомъ чорной магіи.

Что же касается до Сиди-Брама, то онъ къ мистическимъ вѣрованіямъ жены своей былъ непричастенъ. Сиди былъ собственно все. Въ Персіи былъ онъ огнепоклонникомъ, въ Турціи жаркимъ защитникомъ изсламизма.

Другія же цыганки-жены Сиди и Олая учили Юцаде, что вся сила цыганской прелести заключается въ танцахъ, въ волосахъ и огнѣ ихъ очей.

Понятно, что должно было выйти изъ Юцаде, воспитанной на такихъ повѣрѣяхъ и отъ природы одаренной блистательнымъ богатствомъ умственныхъ способностей и физическихъ качествъ и въ тоже время воспримчивой и восторженной какъ все на югѣ. Дикій образъ жизни цыганской среди роскошной и живописной природы южнаго Крыма, въ чадѣ вѣчной безпечности, нѣги и лѣни имѣлъ на развитіе цыганки самое сильное и счастливое вліяніе.

Въ такомъ-то состояніи мыслей и чувствованій была Юцаде, когда отходящій отъ Сиди къ костру Алимъ взялъ ее за руку. Рука Саиба для Юцаде была жезломъ колдуна. Цыганка въ одно мгновеніе пробудилась отъ очарованнаго сна.

— Кошкеде! дочь моя, Юцаде! Узнаешь ли ты меня? спросилъ Алимъ, сжимая ея руку и всматриваясь въ черты ея лица.

Юцаде молчала. Быстрые глаза ея съ изу-

мленіемъ остановились на суровомъ лицѣ Алима.

— Юхтурь!.. анасыны!.. глухо простоналъ вскипѣвшій Османъ-Чохъ, и съ этимъ вмѣстѣ онъ схватилъ Алима за руки. Не трогай ее! она жена моя, моя раба! Я далъ за нее колымы!..

— Ба!.. спокойно сказалъ Алимъ. Вишь, какой воробей! Успокойся, кунакъ! Орелъ воробья не тронетъ, если лебедь намѣтитъ! продолжалъ Саибъ, отводя руки чабана.

— Золото Саибъ! Османъ-Чохъ говорить не правду! Ей-же, не правду! отозвался Сиди, не смѣя покинуть назначеннаго ему поста! Но спохватившись, что данное уже разъ согласіе брать назадъ съ его стороны не честно, а главное опасно, потому что это могло повести къ ссорѣ и лишить всѣхъ шашлыковъ, которыми Сиди рассчитывалъ въ будущемъ воспользоваться отъ чабановъ, но чего добраго, это могло вызвать чабана даже на смертную драку — мечь!.. Испуганный этими мыслями, Сиди прибавилъ: это другъ мой, старый, вѣрный другъ, Османъ-Чохъ изъ Мухалатки! безцѣнный Саибъ!

— Ну, ну! хорошо, Сиди! прервалъ его Алимъ. Твой другъ — мой другъ. Я люблю чабановъ.

Они добрый и честный народъ. Будь покоенъ, Османъ-Чохъ! прибавилъ онъ чабану. Юцаде будетъ твоею... Но позволь же мнѣ посмотреть и полюбоваться моею маленькою Юцаде. Я любилъ ее еще когда носилъ на рукахъ своихъ!..

Отъ этихъ словъ Алима, чабанъ Османъ-Чохъ выпучилъ глаза. Онъ чувствовалъ, что ужъ одними этими словами Алимъ сковалъ его по рукамъ и по ногамъ, хотя въ груди чабана закипѣло негодованіе безсильнаго.

— Вотъ-то какая она удалась себѣ! Счастливая да вродливая (талантливая)! Разъ тридцать продавай ее на день, а все покупщикъ найдется. Такая точно была и я въ своей молодости, не правда ли, безцѣнное мое золото, Саибъ? говорила Мень-Ханъ, впыряя бѣгающія глаза свои въ лицо Алима. Поцалуй-же, дочко, ручку Саиба! Онъ подарить тебя счастьемъ!.. Вишь, какая славная... а пляшетъ она, то какъ увидишь, Саибъ, то такъ и разцалуешь ее за то!

Въ продолженіе всей этой болтовни старой цыганки, Алимъ далъ только поцаловать Юцаде свою руку, погладилъ ее щечку и потомъ самъ поцаловалъ ее въ лобъ, что вы-

ражало знакъ его любви и покровительства.

Юцаде все это время была безмолвна. Ей чудилось, что она проснулась отъ какого-то тяжелаго сна, что вся прошедшая жизнь ея, какъ тяжелыя грезы послѣ пробужденія, разсѣялись отъ одного прикосновенія руки Алима. Словомъ, душа Юцаде отчулась, привязалась, слилась и жила уже однимъ Алимомъ, который точно колдунъ околдовалъ ее.

Алимъ самъ пораженъ былъ прелестію Юцаде.

— Джани! ты лучъ солнца, ты жемчужина, ты блескъ и пѣна волны морской, Юцаде! Я люблю тебя, какъ своего коня! радостно говорилъ онъ, цалуя ея лобъ. Всѣ мои богатства я дарю тебѣ, Юцаде! Но пока, вотъ тебѣ мой перстень! Онъ скинулъ съ руки своей золотой перстень съ бриліантомъ и надѣлъ его на тонкій пальчикъ цыганки.

Между тѣмъ ужинъ былъ готовъ. Алимъ сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ, т. е. на коврѣ, и принялся прежде всего за щурбу. Менъ-Ханъ, Олай, Юцаде, Хаба и даже не отстававшій отъ нее Селимъ-Бей обслуживали Алиму съ покорностію рабовъ, съ го-

товностию друзей и нежностью любовниковъ.

Благодаря способности южныхъ натуръ и въ особенности цыганскихъ, быстро переходить изъ одной крайности въ другую, Юнаде послѣ внезапнаго изступленія, перешла въ внезапную радость. Что-то легкое, какъ пламя, чистое, какъ эфиръ, свѣтлое, какъ лучъ вешняго солнца вдругъ окрылило все существо ея. Схвативъ свой бубень и поднявъ его одной рукой надъ головой своей, а другой стуча и гудя, она какъ вихрь, взвилась и закружилась вокругъ костра. Множество черныхъ косъ, какъ змѣи, клубились вокругъ головы ея. На взволнованной шеѣ и золотой на ней цѣпи съ звономъ и блескомъ кружились дукаты, пиастры и имперіалы. Гибкая фигура ея казалась крылатой бабочкой, порхавшей вокругъ огня. То съ быстротой громовой стрѣлы вдругъ изъ нечаяннаго, нежданнаго скачка она падала на землю; то одной ногой касаясь земли, она вытягивалась въ прямую, летучую линію. Отъ цвѣта шальваръ стройныя ноги ея, казалось, обвиты были пламенемъ, звеня ожерельемъ изъ металлическихъ бубенчиковъ.

Лишь только Юцаде начала дивную пляску, Саибъ ни разу не отводилъ своихъ глазъ отъ движеній вдохновенной цыганки. Шашлыкъ остываль передъ нимъ недоѣденнымъ, кашикъ-бурекъ нетронутымъ. Алимъ впился въ нее очами своей души и оставался нѣмъ и недвижимъ, какъ камень. Наконецъ онъ прервалъ свое изумленіе. Молча, повелительнымъ жестомъ провелъ онъ рукою въ воздухѣ и, указывая въ землю, сдѣлалъ знакъ точки. Юцаде какъ очарованная остановилась на указанномъ мѣстѣ.

Блѣдная луна печально и одиноко плыла по безмѣрно-высокому своду. Чѣмъ выше поднималась она, тѣмъ меньше казался кругъ ея, тѣмъ пустыннѣе казались небо и море, тѣмъ непримѣтнѣе сливались они въ одну мрачную бездну. Тускло мерцавшіе хоры звѣздъ казались сѣтью искръ, зыблемыхъ сонными волнами. Отраженный моремъ свѣтъ луны казался среди морскихъ зыбей перебѣгающими огоньками пустыннаго пожара. По блѣднымъ вершинамъ уснувшихъ горъ, какъ чудесныя грезы, блуждали и вились причудливыя стаи ночныхъ облаковъ. Внезапно по-

слышавшійся людской крикъ и конскій топъ нарушили спотворную гармонию ночи. Алимъ быстро посмотрѣлъ вдоль дороги. Слабое эхо вдали повторившагося шума не ушло отъ чуткихъ ушей его.

— Сиди! сказалъ онъ, коня А ты Мень-Ханъ береги Юцаде пуце зеницы своего ока. Скоро я найду васъ.

Онъ вскинулъ на себя башлыкъ, вскочилъ на коня и исчезъ среди бѣлѣющихъ вершинъ Яйлы.

=

ГЛАВА V.

Ъзда въ горахъ.

Главу эту начнемъ ab ovo. Знаете ли, читатель, чѣмъ отличается ъзда Крымцевъ отъ всякой другой ъзды? Само собою разумѣется, вы скажете: „извѣстно чѣмъ, лѣнливою медленностію, скрипомъ и неуклюжею громадностію татарскихъ арбъ, маджаръ и т. п.“ Оно такъ, но только не совсѣмъ такъ. Вѣдь, лѣнь и медленность, какъ водится, по плечу не однимъ Крымцамъ. А на скрипучихъ и неуклюжихъ арбахъ ъздать и погайцы, живущіе по сосѣдству съ Крымомъ. Стало быть, въ ъздѣ Крымцевъ есть другое отличие. Но какое же, хотите вы знать?

Конечно, вамъ случалось слышать рассказы о невѣроятныхъ походахъ лунатиковъ,

сонамбуловъ и т. п. господъ, которые расхаживаютъ (во время полнолунія), по заборахъ, по крышамъ домовъ, взлѣзаютъ на колокольни и разгуливаютъ по всякимъ другимъ опаснымъ высотамъ такъ же легко, спокойно и безопасно, какъ всѣ мы, обыкновенно ходимъ по землѣ или по полу своей комнаты. Этою способностью сонамбуловъ отличаются въ особенности крымскіе лошади, волы, буйволы, ослы и даже овцы.

Но вы, любезный читатель мой, которому можетъ быть, не случилось бывать въ Крыму, начинаете ужъ улыбаться надъ моимъ сравненіемъ. Вамъ оно показалось, если не дикимъ, то черезъ-чуръ ужъ натянутымъ? Могу васъ увѣрить, что оно и не дико и не натянуто, да оно даже и не сравненіе.

Вотъ мои доказательства.

На южномъ берегу Крыма отъ Фодосіи и до Алушты не возможно ѣздить по тропинкамъ иначе какъ верхомъ.

Чему же болѣе, какъ не сонамбулизму приписать способность крымцевъ пробираться по горамъ, поврагамъ и утесистымъ морскимъ берегамъ? Взгляните вверхъ, на эти, потянув-

шіяся вдали въ голубомъ туманѣ, стаи то бѣ-
лыхъ, то темныхъ облаковъ! Какъ онѣ вамъ
кажутся?—Не правда ли, они легки, воздуш-
ны, причудливо сгруппированы и прекрасно
освѣщены? Но вы въ самомъ дѣлѣ думаете,
что это облака? Въ томъ-то и штука, что
нѣтъ; это горы и не простыя горы, а горы-
сонамбулы, да въ добавокъ къ тому, онѣ со-
намбулы не ночью, какъ это случается съ
людьми, но среди бѣла-дня, или лучше ска-
зать, среди синя-дня и бронзоваго цвѣта воз-
духа! — Горы-сонамбулы возможно ли? Ви-
дите сами, что возможно. Присмотритесь,
вотъ тѣ горы ползли и поползли по настоя-
щимъ облакамъ.

Вотъ онъ, золотистый и островерхій Кок-
тебель, взлѣзъ на облако точно на огромную
скирду гнилаго сѣна, и поѣхалъ на немъ гу-
лять въ зеленѣющее море. За нимъ, дальше
черный баранъ; свѣсясь со скалы и понутивъ
рогастую свою голову, пьетъ изъ моря воду,
то Аюдагъ или *медвѣдь-гора*. Лѣвѣ отъ
Аюдага, какъ на плывущей по морю скирдѣ
свѣжей соломѣ ѣдетъ бородатый козель-гора
Эчки-дагъ. А вправо отъ Эчки, кажется, что

на крышѣ курной избы цыганъ расплавать свой шатеръ, пристроилъ тутъ же свою наковальню, поставилъ свою телѣгу съ поднятыми вверхъ ослѣбками, раскинулъ украденные ковры, войлоки и махнатые бурки и во нимъ спускаетъ, скатываетъ въ море большіе парусинные чувалы съ митой испанскою шерстью, бѣлые клоки которой роняются на ослѣбкамъ ихъ. — Это Чатырь-дагъ съ горами Темерджи, Бакалджиджи и другими.

А еще дальше... но дальше сверкающія верхушки Яйлы слились съ небомъ, съ воздухомъ и моремъ. Вамъ, небожь, все это кажется страннымъ? Если такъ, то не глядите же въ Крыму вверхъ и въ даль, не наслаждайтесь очаровательными видами его перспективы! Смотрите лучше ниже и ближе.

Вотъ впродъ вами, то въ кружкѣ, то рядомъ ми, поджавъ ноги и нахлобучивъ на головы свои башлыки, разсылись татары, татарченки, и подъ бѣлыми чадрами ихъ жены. Всѣ они, эти каменные, колососальные татары, будто смотрятся и дивятся морю. — Это Туклуцкія горы. Замѣчаете ли вы, что на краешкѣ уха, величиною въ 120-ти пунтовый корабль,

у одного из воздыхающих надъ самымъ моремъ каменныхъ фигуръ ползеть три черныхъ муравья, то есть, счастливца путника въ туклухскихъ горахъ провожаютъ два верховыхъ татарина?

Тохта (остановись)! Кудажь это ты завелъ меня, глупая твоя банка? кричитъ путникъ своему передовому, увидя себя вдругъ жадъ бездной обрыва. Нопредовой пропалъ изъ глазъ его, какъ будто провалился въ землю. Проводникъ же, вдушии сзади путника, точно въ ротъ воды набралъ, вытаращилъ только на немасонные глаза свои, киваетъ головой и не въ состояннн уже вымолвить ему слова. Не удивительно. Ёзда въ горахъ превращаетъ татарь въ санамбуловъ до такой степени, что часто они ничего не видятъ и не слышатъ. Между тѣмъ татарская клячъ передними ногами нащупала уже тропинку, на которой только что въ пору удержаться лошадиному ея копыту. Она вытануъ присѣла на задня нога и, какъ кошка по гибкой вѣткѣ, пробирается по скользкому пути. Ни живъ, ни мертвъ путникъ зажмуриваетъ глаза и предается инстинкту своей лошади. Ему чудится, что онъ, сор-

вался со скалы и летить въ пропасть. И точно, послѣ перваго головокруженія, онъ открываетъ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, онъ очутился въ безднѣ, кружащейся сырмъ мракомъ. Проводники его исчезли. Сырой мракъ часъ отъ часу густѣеть. Подъ ногами клячи его, ощупью пробирающейся, гремятъ скатившіеся внизъ камни. Благородное животное само не видитъ подъ собой тропинки, по которой съ такой изумительной ловкостію оно опускается. Въ эту-то пору татарская лошадь истинная сонambuлка.

Наконецъ облако начало проноситься. Сырой и мутящійся туманъ его замѣтно порѣдѣлъ. Надъ бездной мрака обозначился тусклый шаръ померкшаго солнца. Онъ виситъ надъ самой головой путника. Внизу выступили волнистыя пятна и не ясныя фигуры. Откликнулся передовой. Голосъ его прозвучалъ трубой. Солнце стало кровавымъ шаромъ. Сквозь порѣдѣвшее облако голубыми пятнами открылось небо.

Черныя пятна внизу оказались кудрявымъ лѣсомъ, а странныя фигуры, возвышающимися надъ лѣсомъ скалами. Обрадованный пут-

никъ замѣтилъ подъ собой татарскую деревню. Какъ гнѣзды ласточекъ, она виситъ подъ навѣсами скаль. Это Туклукъ деревня. Высокій минаретъ надъ ней кажется султанскимъ чубукомъ. Татарскія мазанки кажутся кучами грязи Кипарисы, тополи, орѣхи и айвы рисуются изумрудными фонтанами, виноградные сады, разноцвѣтными узорами. Путникъ наконецъ какъ съ облаковъ опустился прямо въ прелестную долину, на одной сторонѣ которой живописно раскинулся Туклукъ. Боже! какая роскошь, яркость и пестрота цвѣтовъ, плодовъ и деревъ въ садахъ Туклукскихъ! Огненный блескъ солнца, густая синева всей долины, громадность и причудливость окружающихъ скаль, звучность воздуха, звонъ катящихся ручьевъ, скрипъ маджаръ и говоръ татаръ совершенно очаровываютъ путника. Въ садахъ и на перекресткахъ извилистыхъ и тѣсныхъ улицъ татарской деревни, какъ бѣломраморныя статуи, остановились удивленные встрѣчей съ незнакомцемъ татарки. Рыжеволосые и полунагие дѣти ихъ гуляютъ въ садахъ, плещутся въ ручейкахъ и играютъ на плоскихъ кровляхъ мазанокъ. У пороговъ ихъ,

смуглолицые татары курят трубки, перечисляют собранные плоды или трактуют о делах своих. Но очарованный путник проезжает деревню. Дорожка снова нырнула на самое дно живописного оврага. По одну и другую сторону ее висят виноградники и фруктовые сады. Сквозь густоту сплетшихся ветвей их там и сям золотыми нитками висят солнечные лучи. Упадая на струящийся поток, на камень или на деревянный пенек, они бьются, сверкают или рисуют фигуру спящего барса. Порой в гущу леса бьются узоры теней и просветов убивают путника и лошадь его какой-то рыцарской кольчугой, воздушные латы и сетки которой блестят то золотом, то чугуном, то драгоценными камнями. Но вот тёмный и прохладный путь мало по мало исчезает. Сквозь редящие ветви и листва дубов, буков, осокоров и роскошно-разросшихся орехов начинает пробиваться свет чудного свойства. Вам случалось ли, читатель, видеть цвет пламени горячей серы? Таким цветом загарается безпредельная поверхность Чёрного моря, когда путник подвизгается к

нему изъ Туклукскаго оврага. Изъ очаровательнаго тайника пролады и тѣней онъ лицемъ къ лицу встрѣчается съ зеленѣющими и гремящими его волнами. Чудится ему, что стройныя полки бѣлыхъ рыцарей на коняхъ мчатся и скачутъ на береговые утѣсы моря. Какъ бѣлая грива коней, какъ блестящія каски и латы невидимаго строя рыцарей, сверкаютъ изумрудныя волны бурнаго моря своею пѣжною и бѣлорунною пѣною. Какъ стукъ сабель и брызгъ металлическихъ кольчугъ рыцарскаго турнира, слышатся удары и плескъ шумныхъ волнъ въ скалы и плоскокаменистые берега моря. Милліоны цвѣтныхъ, мелкихъ и округленныхъ кусковъ порфира, мрамора, гранита, яшмы и слюды гремятъ и катятся за отхлыпавшей волной, сверкаютъ въ матовой бѣлизнѣ пѣны ея разноцвѣтными огоньками и снова катятся на берегъ за набѣжавшимъ валомъ.

Береговые утесы обвиты голубымъ туманомъ. Морскія раковины и узорчатая растенія впились въ поросшіе разноцвѣтнымъ мхомъ бока ихъ и выдавшіяся скулы. Дикій плющъ, пушистый бульдонежъ, крымская ежевика и ка-

персы раскинулись по береговымъ утесамъ узорчатыми сѣтями и гирляндами. Въ голубомъ туманѣ моря надъ волнами бѣлѣютъ морскія чайки. Выдавшіеся изъ прозрачно - зеленыхъ волнъ утесы покрыты стаями черныхъ и крикливыхъ баклановъ. Близъ береговъ носятся длинныя вереницы гусей, утокъ и норковъ. Черные орлы картинно парятъ надъ скалами. Тропинка, приведшая путника на морской берегъ, пробѣжавъ по черно-искристому и сыпучему песку, на который прозрачно - зеленыя волны мечутъ серебристую пѣну, взбѣгаетъ какъ ящерица на скалы, падаетъ въ трещины и щели, или, снова окунувшись въ волны, скользитъ по камнямъ, потопляемымъ моремъ. Отважный путникъ ослѣпленъ блескомъ моря, солнца, скалъ и голубымъ туманомъ. Онъ оглушенъ непрерывнымъ грохотомъ волнъ, шумомъ и шорохомъ зыблемыхъ волнами камней и морскихъ раковинъ. Палящимъ зноемъ и нѣгой, вдыхаемой вмѣстѣ съ морскимъ воздухомъ, онъ разваренъ, лишенъ бодрости силъ и борется съ обаяніемъ сна. Оплеснутый волнами, онъ чувствуетъ морскую болѣзнь. Но безстрашная кляча изъ волнъ выноситъ его на крутизны.

Съ этихъ поръ путникъ превращается въ настоящаго лунатика. Дѣйствительность передъ нимъ превращается въ волшебный сонъ. Взгляните на татарина, когда онъ пробирается по этому пути. Онъ спитъ и грезить. Это видно по его глазамъ, по выраженію лица, по движеніямъ и безмолвію его. Разбудите его, и онъ сорвется со скалы въ бездну или упадетъ въ кипучее море. Или же, не желая положитьсь на волю татарской клячи, вздумайте управлять ею на этомъ пути; словомъ, лишите ее совамбулической ея способности, разбудите ее дѣйствіемъ своей воли, тогда,—дѣло опытомъ дознанное, она начнетъ спотыкаться, падать и вмѣстѣ съ вами скатится съ перваго же утеса. *Ab ovo* наше этимъ кочнается. Теперь обратимся къ нашимъ цыганамъ.

Старый Сиди проснулся съ восходомъ солнца. Не рѣшаясь оставить теплой своей берлоги, онъ прежде раскрылъ голову и хотѣлъ взглянуть на море, — любимую стихію, но стихія эта кольнула въ глаза цыгана такими стрѣлами яркихъ огней, что онъ принужденъ былъ тотчасъ повернуться въ другую сторону.

Передъ кучей золы потухшаго уже костра, на голомъ камнѣ сидѣла Юцаде. Она была печальна и глядѣла то на восходъ солнца, то на горы и море. Казалось, что сонъ въ продолженіе всей ночи не смыкалъ заплаканныхъ очей ея. У ногъ Юцаде лежалъ Османъ-Чохъ и курилъ изъ трубки. Все прочее въ таборѣ покоилось еще непробуднымъ своимъ.

Сиди собрался было встать. Но такъ какъ солнце не успѣло еще разгорячить влажнаго воздуха и утренняя роса еще сверкала на всемъ разноцвѣтной пылью, то для нѣжнаго Сиди такое состояніе атмосферы казалось слишкомъ морознымъ, и потому онъ снова укуталъ свою голову, прикрылся войлокомъ и готовъ былъ снова предаться утреннему сну.

Но спустя минуту онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора:

— Юцаде, джанымъ Юцаде! жолто-рунная овечка моего стада! золотой рожокъ молодой луны, Юцаде! Слышишь ли ты меня? говорилъ Османъ-Чохъ грустной цыганкѣ, не слушавшей повидимому докучливаго чабана. Послушайся меня! Умоляю тебя! Отвѣчай мнѣ!

— Юцаде все слышитъ, но ничего не знаетъ,

ничего не хочеть! отвѣчала наконецъ дѣвушка.

— Шайтанъ обманываетъ, но я татаринъ, я честенъ, я правдивъ. Клянусь чалмою моего дѣда, клянусь стадомъ чундукъ моихъ! что Алимъ страшенъ, что онъ неумолимъ, жестокъ, что онъ разбойникъ, что всякій день его ищетъ законъ, правосудіе!

— Оставь меня! Не терзай сердца моего словами объ Алимъ, не страши меня его смертью! Умреть онъ — умру я! Брошусь въ море, въ пропасть. Я люблю его.

— Опомнись, Юцаде! перлъ утренней росы! подумай золотистая моя „арточъ“ (крым. птица въ родѣ сороки), подумай, что всѣмъ извѣстно, кто такой Алимъ. Всѣмъ страшатся его какъ горняго шайтана. Поиски за нимъ день ото дня усиливаются. Его ищутъ въ горахъ, въ лѣсахъ, его ищутъ вездѣ, его найдутъ, поймаютъ и накажутъ какъ вора, какъ разбойника.

— Его не найдутъ, не схватятъ.

— Почему его не схватятъ?

— Онъ неумолимъ какъ вѣтръ и хорошъ какъ огонь, онъ любитъ меня!

Слова эти были произнесены съ одушевленіемъ, съ азартомъ. Они поразили Османъ-Чоха тѣмъ сильнѣе, что, не смотря на всѣ обвиненія его противъ Алима, въ душѣ своей чабанъ питалъ къ нему невольное уваженіе и страхъ. Не разъ случалось, что Османъ-Чохъ самъ защищалъ Алима въ кружкѣ своихъ товарищей и отвергалъ всѣ дурныя толки и вѣсти о немъ. Онъ первый готовъ былъ стоять за Алима до рѣзни. Но теперь, когда въ порывѣ увлеченія своего Юцаде выразила передъ нимъ всю преданность, всю любовь и свое высокое понятіе объ Алимѣ, слова ея какъ ужасны ни были для сердца Османъ-Чоха, но на темную душу его они сдѣлали сильное и глубокое впечатлѣніе. Всякія сомнѣнія чабана на счетъ Алима теперь разомъ разсѣялись. Теперь онъ вѣрилъ тому, въ чемъ убѣждена была сама Юцаде. Легко мы вѣримъ въ вѣру милыхъ нашему сердцу.

— Ну, хорошо, Юцаде! сказала Османъ послѣ долгаго раздумья. Пусть по твоему. Но ты сама слышала слова Алима. Не онъ ли сказалъ, что ты должна быть моею и что онъ любить тебя такъ, какъ ты должна меня лю-

бить. Будь же повелительницей твоего господина! Османъ будетъ счастливъ съ тобою. Стадо его увеличится какъ морской песокъ. Порогъ сакли его будетъ почтенъ всѣми правдолюбивыми Мухалатки. Въ домъ твой не проникнетъ ни одинъ лучъ солнца и ни одинъ взоръ лучшаго моего друга. Бѣлая чарда твоя будетъ мягче морской пѣны и непроницаемѣй темной ночи. Постель твоя вѣчно будетъ усыпана пахучими травами! Жирный и свѣжій шашлыкъ и кашикъ-бурекъ будетъ всегда твоей пищей!..

— Вотъ это лучше всего! подумалъ про-себя Сиди, слѣдившій за разговоромъ Османъ-Чоха и Юцаде и въ одинъ мигъ почувствовавшій аппетитъ отъ однихъ словъ чабана.

— Юцаде, золото души моей! продолжалъ Османъ. Вечерній запахъ оливки! Свѣтлая струя ключевой воды! Игривая форель озеръ Куру-Узения! Оставь таборъ! иди въ домъ мой, и будь второй женой моей!

— Ой, перестань, не говори дальше! Я не пойду къ тебѣ, не буду второй женой твоей, не переступлю порога твоей сакли, не буду

любить тебя пока люблю Алима. Онъ одинъ мой! Я одна ему!

— Все это хорошо! продолжалъ думать про-себя Сиди. Но что же я буду ѣсть безъ Юцаде? Гдѣ же мнѣ тогда взять свѣжихъ шашлыковъ, когда не будетъ со мной Юцаде? А ты, голубчикъ, не бось, ни разу не обмолвился и не сказалъ: а старому Сиди всегда будетъ шашлыкъ изъ моего стада.

Тутъ мысль о шашлыкѣ до того разобрала аппетитъ Сиди, что онъ не вытерпѣлъ дальше, и въ то самое время, когда послѣднія слова Юцаде, какъ порохомъ, взорвали душу оскорбленнаго, страстнаго и влюбленнаго Османъ-Чоха, и когда въ пылу гнѣва онъ быстро вскочилъ на ноги, ухвативъ Юцаде за руку и бѣшено закричалъ: „такъ ты не навидишь меня! Такъ твой отецъ обманулъ меня какъ собаку! Такъ ты одного Аліма любишь!..“

— Не горячись мой голубъ! сказалъ Сиди удерживая руки взбѣшеннаго чабана, глаза котораго вдругъ налились кровью. Онъ хотѣлъ, казалось, столкнуть Юцаде въ пропасть. Увѣряю тебя, она любить тебя больше всего на свѣтѣ. Ты еще не знаешь ее. Она всегда

такая сердитая и болтаетъ нѣтъ ни-съ, когда голодна. Поподтуй на ее шашлычкомъ, такъ она советить другасъ запоесть тебѣ. Полюбить...

— Возьми, шайтанъ, возми все стадо мое! Рѣжь его, жарь его! только скажи, что она моя! полувиятно болталь азартный Османъ.

— О! о! о! о! Возьми ее съ руками и съ ногами! Бери, мой батечку! Только скорѣй накорми насъ шашлычкомъ!

Не станемъ подробно говорить о томъ, какъ Османъ-Чохъ скоро примирился съ Юцаде, которая потомъ изъявила ему свое согласіе быть его женою. Хотя втайнѣ она осталась вѣрною своему сердцу, страстно полюбившему и навсегда отдавшемуся одному Алимю. Скажемъ только, что обрадованный чабанъ убѣжалъ къ своему стаду, извѣстивъ о своемъ счастиі прочихъ своихъ товарищей, ночевавшихъ съ „отарою“ на днѣ оврага, ниже почтовой дороги. Селимъ-Бей, убѣжавшій еще средь ночи отъ докучливыхъ ласкъ полногрудой Хабы, вмѣстѣ съ Османомъ опять воротился въ таборъ. Оба они принесли по доброму барану, зарѣзали ихъ, а поднявшій-

ся отъ сна тѣмъ часомъ таборъ снова запы-
ровалъ и завеселился, радуясь счастью Юца-
де. Цыгане оставались на томъ же мѣстѣ
весь день.

ГЛАВА VI

Татарская мазанка и плѣнь Алима.

Браки у крымскихъ татаръ заключаются безъ согласія невѣсты. Выборъ по сердцу выходящей замужъ не имѣетъ у нихъ никакого значенія. Невѣсту продаютъ. Отецъ невѣсты получаетъ за дочь свою „колымъ“ или цѣну. Женихъ приобрѣтаетъ себѣ жену какъ вещь, купленную цѣною колыма. О чувствахъ расположенія и любви своей невѣсты женихъ нисколько не заботится. Если дѣвушка нравится, татаринъ заключаетъ, что она его полюбитъ, то есть, что будетъ ему хорошей женою потому, что онъ можетъ ее любить.

Случается, что для татарскаго брака не требуется даже согласія самаго жениха. Часто

татары обручаютъ дѣтей своихъ еще въ порѣ ихъ дѣтства, или даже при самомъ ихъ рожденіи. Дитя-невѣста отъ колыбели знаетъ уже назначеннаго ей мужа, каковъ бы онъ не былъ. Дитя-женихъ отъ колыбели знаетъ свою жену, какова бы она не была. По достиженіи совершеннолѣтія, женихъ можетъ потерять права свои на назначенную ему невѣсту въ томъ случаѣ, если онъ окажется несостоятельнымъ, т. е. если не заплатитъ оцна отцу своей невѣсты обѣщаннаго отцомъ его колыма.

Такой порядокъ брачныхъ союзовъ сохраняется не только у крымскихъ татаръ, но и у ногайцевъ и крымскихъ цыганъ.

Въ предыдущей главѣ мы сказали, что Юзде изъявила свое желаніе быть женою Османъ-Чоха. Согласіе ея было немалымъ. Хотя большая часть крымскихъ цыганъ магометане, но они въ отношеніи брачныхъ своихъ союзовъ стоятъ выше татаръ тѣмъ, что, выдавая дочерей своихъ въ замужество за татаръ, они, хотя и берутъ колыма, но права выбора по сердцу у дочерей своихъ тѣмъ не отнимаютъ. Цыганка можетъ и не согласиться выйти за татарина. Она можетъ, по выбору сердца,

выйдите замужъ за цыгана. Въ этомъ случаѣ колыма можетъ быть и не быть. Желая сохранить свой родъ, цыгане женятся на цыганкахъ и безъ колыма. Цыганъ, женившійся на цыганкѣ безъ колыма, не имѣетъ надъ женою своею тѣхъ правъ, какими пользуется мужъ, заключившій за жену свою колыма. Этотъ можетъ, если жена послѣдствіемъ ему не понравится, разойтись съ нею. Но тотъ, напротивъ того, самъ находится въ некоторой зависимости отъ жены своей, которая можетъ бросить его, когда ей вздумается, можетъ полюбить другаго и сдѣлаться его женою.

Говорятъ, что не бывало примѣра, чтобъ цыганки, вышедшіе замужъ безъ колыма, по любви, по выбору сердца, когда-либо оставляли своихъ мужей. Бракъ безъ колыма считается у нихъ счастливѣйшимъ.

Юцаде, страстно полюбившая Алима и добровольно изъявившая свое согласіе на замужество съ Османъ-Чохохъ, никакъ не была похожа на тѣхъ дѣвицъ, которыя, выходятъ замужъ по одному только расчету. Цыганку нашу не увлекало богатство чабана. Совѣты отца и матери еще менѣе того могли склонить

Юцаде къ замужеству съ Османомъ. Наконецъ ее не продавали даже какъ рабу, какъ вещь. Сиди хотя и назначилъ колымъ за нее и сошелся съ Османъ-Чохомъ въ цѣнѣ, но неизъяви притомъ своего согласія Юцаде, онъ охотно бы отказался отъ всякаго за нее колыма. Согласіе Юцаде зависѣло отъ словъ Алима: „Юцаде будетъ твоею“, сказалъ Саибъ чабану. Ты должна быть женою Османъ-Чоха, повторилъ онъ, и слова эти неумолкаемо звучали въ душѣ цыганки въ то время, какъ по лицу ея текли слезы, а сердце ея сгарало огнемъ мукъ и блаженства. „Я должна быть женою Османъ-Чоха. Этого требуетъ Алимъ. Я буду женою Османа!“ говорила грустная цыганка, съ благоговѣніемъ возводя заплаканныя глаза свои на огненное солнце. „Я повинуюсь тебѣ, Алимъ! мой джанымъ Алимъ, мое солнце!“ повторила Юцаде, обращаясь къ огненному свѣтилу и цалуя лучи его. „Я люблю одно тебя. Я люблю одного Алима! Онъ солнце! Джанымъ Алимъ!“ говорила дѣвушка, припадая къ разгориченной скалѣ и цалуя гранить ея. „Я люблю тебя! Джанымъ Алимъ! я люблю тебя!“ говорила она, цалуя вѣковой пень дуба или сосны, рос-

кошно разросшейся въ трещинѣ скалы Яйлы. Джанымъ Алимъ! я люблю тебя! Ты одинъ мой, я одна твоя! говорила она, цалуя траву, землю, воду, вихонтовыхъ и золотистыхъ коровокъ, жучковъ и т. п. тварей.

Она невѣста. Обрекши себя на пятидневный постъ и закутавшись въ бѣлую чадру, Юцаде избѣгаетъ всякой встрѣчи съ людьми. Самъ женихъ ея Османъ-Чохъ не смѣетъ смотрѣть на нее. Друзья и родные не смѣютъ говорить съ ней. Она нѣма, глуха и слѣпа до своего брака. Она должна быть такою. Того требуетъ обычай.

Но вотъ уже третій день, какъ цыгане стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Третьи сутки, какъ судьба Юцаде уже рѣшена и третьи сутки, какъ шумно пируетъ цыганскій таборъ — залогъ ея счастья. Онъ рѣжетъ барановъ, онъ жаритъ шашлыки. Онъ ѣстъ, пьетъ и веселится на пропалую. Три дня и три ночи, какъ предается онъ съ изступленіемъ своей радости за счастье Юцаде!

Но уважая обычай предковъ, безъ пищи и безъ сна, три дня и три ночи, Юцаде скитается въ горахъ, какъ призракъ. Состояніе

ея часъ отъ часу отягивается безотрадною. Душу ея томить духовная жажда. Сердце ея сжигаетъ огонь любви. Она ищетъ милого ей образа; она жаждетъ слышать живое слово. Силы ея начали избѣнять.

— Джанымъ Алимъ мой! повторила она, садясь подъ камнемъ, надъ ручейкомъ свѣтлой воды. Я люблю тебя! Ты одинъ мой, я одна твоя! едва знятно твердила она, черная руками воду и утоляя мучительную жажду.

Въ эту минуту на вершинахъ скалъ раздался стукъ скатившихся камней. Юцаде вздрогнула и взглянула вверхъ. Изъ вѣтвей курчаваго бука выпорхнула златоперая „лисесъ“ (крымскій удоць). Послышались дикіе крики и вельдь за тѣмъ, надъ головой Юцаде, произошло по скаламъ стадо дикихъ козъ. Черный орелъ спустился на скалу и держалъ схваченнаго козленка. Силуетъ человѣчской фигуры мгновенно обозначился на одномъ гладкомъ утесѣ. У Юцаде замерло сердце. Дыханіе ея сперлось. Она все обратилась въ одинъ слухъ, въ одно инстинктивное ожиданіе.

Солнце спускалось за далекіе горы. Внизу свѣтился костеръ цыганскаго табора. Послѣдніе лучи заходящаго солнца догорали на верхушкахъ высокаго хребта. Изъ ущелій выползали облаки. Какъ плиту бѣлаго мрамора, изумленную и недвижную Юцаде постепенно скрывалъ сгущавшійся мракъ.

— Джанымъ! Я твоя! Ты одинъ мой! изступленно вдругъ закричала дѣвушка послѣ продолжительнаго молчанія. — Я вижу тебя сквозь эти скалы! Я чую присутствіе твое въ томъ облакѣ!..

— Берегись, берегись! Скройся подь скалу! Кто тамъ! Нето, тебя камни убьютъ! раздался вдругъ чей-то голосъ сверху.

Услышавъ это, Юцаде однимъ скачкомъ перенеслась подь навѣсъ скалы и трепеща всею тѣлою, ждала Алима. Тонкое чутье, духовное зрѣніе цыганки были вѣрны. Послѣ тучи съ громомъ прокатившихся камней и шума вѣтвей, передъ Юцаде явился Алимъ.

— Такъ это ты здѣсь, моя джанымъ? спросилъ онъ, нѣсколько удивленный внезапною встрѣчею съ Юцаде.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка кинулась къ ногамъ

Саиба, обвила дрожавшими своими руками его колѣни и цаловала то полы бешмета, то сафьянные сапоги его.

— Джанымъ! Лице твое желтѣе моихъ чохъ, волосы распущены, глаза горять, какъ два огня! Ты испугана, ты дрожишь! Что съ тобою?

— Курбанымъ, Алимъ! Я одна твоя! Я невѣста. Я должна быть женою Османъ-Чоха. Курбанымъ, я люблю тебя! Я умру у ногъ твоихъ! Ты одинъ мой!

Слова эти разомъ разъяснили Алимѣ все. Онъ понялъ Юцаде. Онъ зналъ суровой обрядъ невѣсты передъ замужствомъ. Онъ свѣлъ на камень и погрузился въ глубокое раздумье. Казалось, онъ не слышалъ болѣе пламенныхъ признаній Юцаде. Онъ не понималъ смысла словъ ея. На смуглыхъ и загорѣлыхъ щекахъ его блеснули слезы.

Въ горахъ, гдѣ встрѣтился Алимъ съ Юцаде, было тихо какъ въ могилѣ. На сине-море палъ вечерній туманъ. Въ темнѣющей пустынѣ его, какъ огненные пирамиды, виднѣлись еще кой-гдѣ далекіе паруса кораблей.

— Джанымъ, Алимъ! „курбанымъ“, Алимъ!

Я люблю тебя! вопила дѣвушка, прижимая руку его къ своимъ пламеннымъ губкамъ.

Алимъ наконецъ очнулся. Онъ поднялъ голову. Полныя слезъ глаза его засверкали огнемъ. Лицо его было блѣдно.

— **Выслушай, дочь моя!** сказалъ онъ тихо и кротко. — **Давно, давно, когда прекраснаго лица твоего еще не пекло мое любезное солнце, и полная луна еще не целовала твоихъ очей, блѣдный отецъ мой и счастливая мать моя жили близъ Куру-Узенья. Мазанка наша скрывалась въ тѣни роскошнаго орѣховаго дерева, росшаго на морскомъ берегу. Отецъ мой былъ богатъ. Каждый годъ съ единственнаго дерева, составлявшаго все его имущество, собиралъ онъ до 20,000 орѣховъ. Я былъ тогда еще ребенкомъ. Однажды я спалъ у порога нашей сакли. Прекрасная женщина подошла ко мнѣ и поцеловала меня въ лобъ и въ губы. Я проснулся. У изголовья моего, на камнѣ сидѣла женщина. Одѣтая въ бѣлое платье, она была прекрасна какъ гурія. Я закричалъ и хотѣлъ бѣжать. Но богиня моя удержала меня. Она положила въ ротъ мой огненный кусокъ сладкой**

пищи и, лаская, увела меня съ собой. Мы пришли на берегъ моря. Она сказала мнѣ (до гроба я не забуду словъ ея): „Джанымъ, баланчукъ мой, Алимъ! Ты хорошенькій мальчикъ, я буду о тебѣ заботиться.“ Она взяла меня на руки и унесла въ голубыя волны моря. Я обхватилъ руками ея ясную шею и прижался къ ней. Потомъ она вынесла меня на берегъ и посадила на гладкомъ камнѣ. (Онъ и теперь еще лежитъ на томъ же мѣстѣ. Иногда я сажусь на немъ и вспоминаю объ ней). Она уводила меня въ свой домъ. Она жила тогда въ богатомъ барскомъ домѣ одна. Толпа русскихъ дѣвушекъ окружала ее. Она меня кормила и поила всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сама питалась. Пища и питье ея были прекрасны. Скоро я привязался къ ней всѣмъ сердцемъ. Она мнѣ играла, пѣла и плясала передо мной. Отецъ и мать мои были ради, что меня взяла къ себѣ богатая госпожа. Скоро она научила меня своей грамотѣ. При ней я умѣлъ читать, писать и говорить ея языкомъ. Но безъ нее я разомъ все забывалъ. Не разъ говорила она: „Алимъ, знаешь ли ты кто я? — Не знаю, отвѣчалъ я. А море твое?

спросилъ у ней я. Мое, сказала она. А небо твое? Мое! — А орѣхи моего отца, рыба въ морѣ и птицы въ горахъ, твои? Здѣсь все мое, мой милый! и ты мой!“ Скоро своими бѣлыми руками она сшила мнѣ новую и мягкую одежду и водила меня вездѣ и всегда съ собой. Я такъ полюбилъ ее, что забылъ и домъ свой. Счастье мое продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ оно прервалось разомъ. Благодѣтельница моя неожиданно меня оставила. Я бросился искать ее вездѣ. Мнѣ говорили, что она уѣхала далеко. Я не перенесъ разлуки съ ней и впалъ въ жестокую болѣзнь. Отецъ и мать взяли меня въ домъ свой. Съ наступленіемъ новой весны, я скоро выздоровѣлъ. Но мнѣ было грустно и больно жить бѣдною жизнью отца моего. Я не зналъ какъ мнѣ быть. Я все презиралъ и не навидѣлъ, какъ смерть. Лѣтомъ я услышалъ, что пріѣхала княжна. Я побѣжалъ къ ней. Меня ввели въ ея домъ. Она дала мнѣ поцаловать свою руку и края своей новой одежды. Подлѣ нея сидѣлъ молодой баринъ. Это былъ мужъ ея. Я опять началъ ходить къ своей благодѣтельница. Однажды мужъ

ея встрѣтилъ меня въ саду, и сказалъ мнѣ : „Алимъ! если я увижу тебя когда нибудь на своемъ дворѣ, я прикажу тебя высѣчь.“ Я вспыхнулъ, кинулся на него и хотѣлъ задушить его. Но прибѣжавшіе люди схватили меня, и выгнали изъ дома. Но я возвратился, проломалъ ночью окно въ домъ моей благодѣтельницы и, найдя спящимъ ея мужа, убилъ его.

Княжна бросилась ко мнѣ и, проклиная меня и себя, замертво упала къ ногамъ моимъ. Я оставилъ домъ ея, и съ тѣхъ поръ я на всегда разстался съ нею. Говорятъ, что она умерла. Но я не вѣрю этому. Скоро у меня отросли усы *). Я почувствовалъ свою силу. Съ тѣхъ поръ я сталъ скитаться въ горахъ Крыма. Однажды схватили меня, но я успѣлъ убѣжать въ горы. Но не встрѣтивъ тамъ моей очаровательницы, я люблю ее больше прежняго. И найду ее! . .

---

*) Усамъ и бородѣ татары придаютъ два, совершенно различныя, понятія объ ихъ нравственности. Пока татаринъ носить одни усы, — ему позволяются всякія шалости. Но какъ только у шалуна отросла борода, онъ перестаетъ шалить и дѣлается степеннымъ и честнымъ татаринномъ.

Алимъ умолкъ.

— Джанымъ ! возьми меня съ собой въ горы. Я буду рабой твоей ! Не покинь меня ! вошла Юцаде.

— Выслушай, дочь моя ! сказалъ Алимъ. Жизнь моя безпокойная. Тебѣ не летать за мной ! Но я буду любить тебя, сберегу жизнь твою, буду отцемъ твоимъ ! Но ты не вѣста, будь же женой Османъ-Чоха. Съ нимъ ты будешь жить счастливѣе, чѣмъ со мною. Жить со мною тебѣ невозможно. Меня ищутъ. Если ты будешь со мною, меня схватятъ. Жаль мнѣ тебя ! Будь же послушна волѣ моей и полюби твоего мужа. Одну половину богатствъ моихъ я отдаю тебѣ. Успокойся же дочь моя. Вотъ наступила ночь ; пойдѣмъ отсюда.

Сказавши это, Алимъ взялъ на руки Юцаде, и началъ спускаться съ горъ къ цыганскому табору.

Лишь только показался Алимъ, Менъ-Ханъ и Сиди бросились къ нему на встрѣчу.

— Менъ-Ханъ ! возьми дочь твою и побереги ее ! Гдѣ женихъ ея ! спросилъ Алимъ, передавая изъ рукъ своихъ Юцаде.

— Онъ ушелъ въ свою деревню, безцѣнный Саибъ. Но онъ скоро воротится. Мы ждемъ его.

— Будь добрѣ и честенъ, Сиди! и исполни волю мою! сказалъ Алимъ, обращаясь къ косматому цыгану. Со мной случились два несчастія почти разомъ. Я потерялъ двухъ своихъ коней. Одного зарѣзалъ самъ, сжался надъ муками его; другой убился подомною, упавъ на скалу. Мнѣ нуженъ добрый конь. Вотъ деньги. Купи за нихъ!

Потомъ Алимъ поужиналъ, приказалъ разбудить себя, когда взойдетъ луна, влѣзъ въ цыганскую маджару, укрылся войлокомъ и уснулъ.

Скоро воротился въ таборъ и Османъ-Чохъ. Луна взошла. Алима разбудили. Было полночь, когда Алимъ обратился къ жениху Юцаде съ слѣдующею рѣчью:

— Османъ-Чохъ! торжественно сказалъ Саибъ чабану. Я люблю тебя, какъ своего сына, а Юцаде, невѣсту твою, какъ дочь свою. Люби и ты ее, и будешь счастливъ! Половину моихъ богатствъ я отдаю вамъ. А теперь я дарю женѣ твоей вотъ эти деньги.

Возьми ихъ и купи ей новой бешметъ и новую чадру.

Чабанъ съ трепетомъ принялъ деньги.

Алимъ скрылся.

Въ послѣдующее утро вмѣсто Байдаръ, цыганскіи таборъ отправился въ Мухалатку. Отпировавъ свадьбу Юцаде, Сиди и Олай-Баръ рѣшились зимовать подъ каменнымъ заборомъ вокругъ мазанокъ своего зятя. Страстный чабанъ старался окружить свою вторую жену всевозможною роскошью и довольствомъ. Онъ построилъ для Юцаде новую мазанку, которая считалась образцомъ всѣхъ татарскихъ мазанокъ въ Мухалаткѣ. Съ помощью Сиди и Олая, Османъ выстроилъ ее на славу. Стѣны сложены были изъ кусковъ гранита, мрамора, порфира и гипса. Внутри и снаружи онѣ смазаны были смѣсью сѣрой глины и золотистаго талька. На балки для кровли и потолка срублены были орѣховые деревья, букъ, грабина и черный дубъ. Вмѣсто стеколъ окна заклеены были листами бѣлой и сѣрой бумаги. Въ одной стѣнѣ продѣлавъ былъ ходъ изъ спальни Юцаде въ комнату ея мужа, которая вмѣстѣ съ тѣмъ служила и пріемной для гостей.

плюскою кровлею мазанки построена была башенка въ родѣ нашей голубятни, съ однимъ окномъ. Она служила мечетью для Юцаде. Стѣны новой и старой мазанокъ обвѣшены были коврами, кусками пестрой матеріи, цвѣтнымъ ситцемъ и шитыми бахрамами. Земляной ихъ полъ былъ устланъ войлоками, коврами, шелковыми и бумажными тюфяками. Постель Юцаде составляли цѣлыя горы матрацовъ, длинныхъ подушекъ и подушечекъ, одѣяль, всякихъ покрововъ и простынь, задернутыхъ бѣлою тканью. На полкахъ по стѣнамъ мазанокъ разставлено было множество всякой посуды: чашечекъ, чашекъ, чайниковъ, мѣдныхъ и оловянныхъ кувшиновъ, кубышекъ, кострюль, тазовъ, мисокъ, цвѣтныхъ, большихъ и малыхъ подносовъ, вазокъ и умывальныхъ лаханокъ. Кой-гдѣ наклеены были рѣзные татарскіе украшенія. Но главнымъ украшеніемъ внутренности мазанки были фрукты. Разноцвѣтные грозды винограда всякихъ сортовъ, начиная съ рислингу, душистой изабеллы, до мелкаго и сладкаго кишмиша, развѣшаны были на потолокъ, по стѣнамъ, балкамъ и (слыжамъ) крючкамъ. Между кистями винограда висѣли въ

сѣточкахъ разныхъ сортовъ сливы, яблоки, ай-вы, бергамоты, груши, персики, абрикосы и гранаты. Въ пучкахъ висѣла рябина и винныя ягоды — инжиръ. На полкахъ между посудой размѣщены были овощи: дыни татарки, дыни ананасовки, зимовки, дубовки, также арбузы, тыквы, ропавки, баклажане (помадоры), стручки перцу и т. п. Всѣ фрукты и овощи перевиты были гирляндами изъ листьевъ дуба, клена, смоквы, оливы, лавра и платановъ. Гирлянды въ свою очередь украшены были вѣнками, сплетенными изъ листьевъ и вѣтокъ съ плодами частію крымскихъ, частію экзотическихъ растеній, цвѣтовъ и фруктовъ, какъ-то: „*χρυσιάδη*“ или мягкихъ финиковъ, „*φραβλοι*“ или цвѣтной клубники, растущей на деревьяхъ и „*σοβιον*“, какъ называются они у балаклавскихъ грековъ. Въ сѣняхъ и подъ навѣсами, съ солнечной стороны мазанки висѣли пануши табаку въ низкихъ. Съ порога своей спальни молодая жена Османъ-Чоха могла любоваться дивнымъ видомъ то зеленаго, то голубаго моря, могла слѣдить за полетомъ бѣлѣющихъ въ пустынномъ морѣ парусовъ, могла любоваться восходомъ луны надъ моремъ. Она могла ви-

дѣтъ даже играющихъ дельфиновъ, часто цѣлыми стадами всплывавшихъ на поверхность моря у береговъ или обгонявшихъ идущіе корабли и пароходы. Съ порога ея мазанки открывались по одну и по другую сторону ея живописнѣйшія горы, вѣчно утопающія въ голубомъ морскомъ туманѣ и часто загорающіяся разноцвѣтнымъ блескомъ яркихъ лучей солнца. Она могла любоваться ландшафтами роскошнѣйшихъ садовъ, овраговъ, видами дачъ и деревень, раскинувшихся по скатамъ горъ и по морскому берегу очаровательными узорами. Она могла бы заслушиваться гуломъ и плескомъ морскихъ волнъ; могла бы слѣдить за полетомъ орловъ, вѣчно парящихъ надъ морскими берегами и горами, видѣть баклановъ, разноцвѣтныхъ чаекъ, бѣлыхъ мартиновъ, стада и вереницы утокъ, дикихъ гусей, лебедей и огромныхъ бабъ, могла глазами своими тонуть въ нѣжнѣйшей синевѣ высокаго неба, а горячій и душистый ветерокъ съ горъ и съ моря могла бы ласкать прямо на груди своей. Она жила въ роскоши и нѣги среди южной природы и южнаго моря. Она окружена была ими и страстными ласками Османъ Чоха. Она

могла бы быть счастливѣйшею изъ женщинъ. Но счастье было далеко отъ Юцаде.

Отъ зоркихъ глазъ Османъ-Чоха не укрылась глубоко затаенная и постоянная грусть Юцаде. Прошла короткая зима, воротилась ясная, цвѣтушая и благоухающая весна. Но внутренній червь тоски со дня на день точилъ Юцаде. Вѣчно грустная и равнодушная къ ласкамъ чабана, она тосковала, плакала и видимо худѣла. Ей все хотѣлось въ горы, на море. Порой уста ея внезапно произносили имя Алима. Османъ-Чохъ подслушалъ таинственный лепетъ этого ненавистнаго ему имени, и въ груди его повернулась змѣя кровавой мести. Теперь онъ разгадалъ причину постоянной грусти и холодности къ нему Юцаде, и думалъ: Алимъ сгубилъ Юцаде, иссушилъ ея сердце, сжегъ красоту ея. Онъ убилъ жену мою, убилъ мое сердце, убилъ жизнь мою. Суди же мевя Аллахъ! Я убью его.

Затаивъ въ душѣ своей злобную месть къ Алиму, чабанъ сталъ суровъ, жестокъ и ревнивъ къ Юцаде. Змѣя мести изъ сердца его скоро высосала послѣднія капли всякой жалости. Османъ-Чохъ сталъ искать Алима. Онъ

подговорилъ друзей и разослалъ шпионовъ. Но Алима нигдѣ не находили. Цѣлый годъ никто не встрѣчалъ и не видалъ его. Говорили, что Алимъ покинулъ южный берегъ и удалился за Симферополь. Но скоро потомъ судьба свела Алима съ злобнымъ Османъ-Чохомъ.

Однажды, подѣ вечеръ, Алимъ изъ Балаклавы ѣхалъ въ Байдарскую долину. Близъ Мордвиновскихъ лѣсовъ, въ одномъ изъ овраговъ, по которымъ вѣтся почтовая дорога, Алимъ скакалъ на бѣломъ конѣ, котораго купилъ ему Сиди. Вдругъ онъ увидѣлъ слѣдующее. Несчастный грекъ, съ разбитымъ и окровавленнымъ лицомъ бѣгалъ по дорогѣ и кричалъ караулъ. Подлѣ повозки замертво лежала жена его. Грудной ея ребенокъ, крича, ползалъ въ пыли.

— Что съ вами случилось? спросилъ Алимъ, останавливая разгоряченнаго своего коня.

— Алимъ, Алимъ! и его шайша насъ ограбили... убили... Заступись, спаси насъ, добрый человекъ! кричалъ грекъ.

— Какой Алимъ васъ ограбилъ? Гдѣ онъ? съ удивленіемъ спросилъ Саибъ.

— Тамъ!... Сейчасъ онъ только что скрылся,

отвѣчалъ грекъ, указавъ на оврагъ.

Разбойники разбѣжались. Алимъ проводилъ спасенныхъ до самой Балаклавы и потомъ воротился назадъ.

Черезъ часъ, онъ проѣхалъ Байдары и началъ спускаться съ вершины Яйлы въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ триумфальныя ворота Байдарскія съ часовыми. На этомъ тѣсномъ и опасномъ спускѣ, онъ повстрѣчался съ татаринномъ.

— Кто ты? спросилъ Алимъ, останови татарина.

— Я мухалатскій чабанъ и другъ Османъ-Чоха.

— Гдѣ же самъ Османъ-Чохъ, другъ мой? Веди меня къ нему. Я—Алимъ!

Отъ одного этого имени татаринъ задрожалъ, и не говоря ни слова, повелъ его по оврагамъ. Въ эту ночь съ стадомъ своихъ чундуковъ, Османъ-Чохъ и его товарищи ночевали въ Менги-ханскомъ оврагѣ.

— Османъ! Другъ мой! Кошкеде, кошкеде! Какъ поживаешь? Какъ здравствуетъ твоя Юца-

де? Я не видался съ вами цѣлый годъ!! радостно закричалъ Алимъ, подѣхавъ къ стаду и распознавъ въ кружкѣ чабановъ Османъ-Чоха.

Слова эти, какъ тяжкія цѣпи упали на Османъ-Чоха, когда онъ узналъ Алима. Съ минутой чабанъ оставался нѣмъ и недвижимъ. Страшная буря мгновенно поднялась въ душѣ его. Онъ хотѣлъ съ быстротою барса броситься на Алима и растерзать его въ куски. Но невольное чувство страха сдержало его ярость. Чабанъ едва переломилъ себя.

— Алимъ! Я не ждалъ тебя. Ты испугалъ меня. Я весь дрожу! едва внятно пробормоталъ Османъ, приближаясь къ Алиму.

Алимъ сошелъ съ коня, поздоровался съ чабанами, объявилъ имъ свое желаніе провести съ ними наступившую ночь, какъ съ старыми друзьями, поручилъ имъ своего коня и просилъ приготовить на ужинъ свѣжихъ шашлыковъ.

Потомъ взявъ за руку Османъ-Чоха, онъ подошелъ съ нимъ къ костру, слегъ на боковую, раскурилъ трубку и началъ подробно спрашивать у Османа о Юцаде, о ихъ взаимномъ счастьи, о Сиди, Олай-Барѣ, Менъ-Ханѣ и т. п. Получивъ отъ чабана краткія, но доб-

рыя вѣсти. Алимъ остался очень доволенъ. Тѣмъ часомъ приготовленъ былъ шашлыкъ. Алимъ и чабаны расположились у костра въ одинъ кружокъ. Османъ досталъ въ чабанской арбѣ мѣдный кувшинъ съ водкой и поднося его Алимъ, сказалъ :

— Любезный Саибъ! Выпей за здоровье мое и моей Юцаде. Я давно берегу этотъ подарокъ для одного тебя. Его приготовила для тебя сама Юцаде. Выпей же Саибъ!

— Благодарю, благодарю, Османъ, любезный братъ и другъ! Я вижу, что вы меня не забывали и любите меня, я радъ этому. Но ты блѣденъ Османъ, ты дрожишь, твои глаза горять, ты дышешь тяжело! Не боленъ ли ты? мой другъ!

— Такъ! мой безцѣнный Саибъ! ты угадалъ. Вотъ ужъ годъ, какъ день и ночь меня мучить злѣйшая лихорадка!

Ну такъ прежде всего я пью за твое здоровье! сказалъ Алимъ, осушая чарку. Потомъ передавъ ее Осману, продолжалъ, выпей же и ты, вѣрный другъ, скорѣй согрѣешься.

Чабанъ выпилъ. Алимъ сталъ подчивать прочихъ чабановъ. Они отказались. Отказался

за ними и Османъ-Чохъ, и всѣ гуртомъ начали упрашивать Алима пить за всѣхъ. Алимъ не отказался. Ему пришла охота повеселится въ кружкѣ людей, въ любви и преданности которыхъ онъ не сомнѣвается.

Между тѣмъ какъ Алимъ пилъ изъ мѣдяго сосуда крѣпкую настойку, Османъ-Чохъ не замѣтно отдалился отъ общаго кружка въ сторону, отозвалъ къ себѣ одного татарина и шепнулъ ему:

— Гассанъ! Пришла пора одолѣть намъ общаго врага! Онъ охмелѣлъ и скоро заснетъ, а мы свяжемъ его по рукамъ и по ногамъ. Гассанъ, лети стрѣлой въ Байдары, скажи караульнымъ, что Алимъ у насъ и веди сюда стражу!

— Гассанъ скрылся въ темнотѣ, Османъ воротился къ костру.

Тамъ подъ звуки жужжащей дудки Алимъ плясалъ.

— Безцѣнный мой Саибъ! Коли гулять, такъ гулять! Выпьемъ-ка еще! Я невыразимо радъ что вижу тебя, а моя Юцаде всякій часъ вспоминаетъ о тебѣ. Кушай же отецъ мой.

Алимъ залпомъ осушилъ нѣсколько чорокъ сряду.

— Пью за счастье твоей Юцаде; я люблю тебя и дочь мою. Завтра же увижу ее пью за всѣхъ чабановъ, друзей моихъ говорилъ Алимъ.

— Тебѣ такъ тяжело плясать, безцѣнный мой Саибъ. Сними-ка съ себя твое оружіе, скинь съ себя башлыкъ и отдай мнѣ, я все сберегу до утра. Вѣдь ты у насъ какъ дома. Мы всѣ твои вѣрнѣйшіе друзья и любимъ тебя, умоляющимъ голосомъ говорилъ Османъ-Чохъ.

Алимъ послушался Османа. Онъ отдалъ ему свой башлыкъ, пистолеты, шашку и остался при однихъ кинжалахъ. Съ ними онъ никогда не разставался. Потомъ онъ снова пилъ и плясалъ. Накопецъ крѣпкая настойка, усиленные движенія и излишняя радость отуманили буйную голову Алима. Крѣпкое тѣло его ослабѣло. Скоро онъ близъ костра слегъ и заснулъ.

Увѣрясь, что Алимъ спитъ какъ убитый Османъ и сообщники его отобрали кинжалы, осторожно скрутили веревками ноги и руки,

и начали привязывать его къ большому дереву. Въ это время Алимъ проснулся, рванулся, но было уже поздно.

Османъ-Чохъ какъ свирѣпый звѣрь кинулся на Алима, котораго за нѣсколько мгновеній называлъ отцомъ, другомъ, безцѣннымъ Саибомъ.

Въ принадлежѣ бѣшенства Османъ началъ бить, рвать волосы несчастнаго плѣнника, который, не говоря ни слова, хохоталъ.

Пришедшіе солдаты только силою удалили Османъ-Чоха отъ плѣннаго Алима.

Говорятъ, что Юцаде, узнавъ о плѣнѣ Алима, бросилась съ скалы и убила на смерть.

Есть на татарскомъ кладбищѣ въ Мухалаткѣ одна могила съ надписью, смысла которой еще ни кто не понялъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА I. Дорога.	1
— II. Татарскіе чабаны	33
— III. Алямъ.	53
— IV. Ызда въ горахъ.	73
— V. Татарская мазэнка и плѣнь Аліма	91

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.		Читай.
9	16	кускт-	куска-
9	17	синяги	синяго
10	2	смоутря	смотря
14	1	китайси	китайки
15	11	Мужчины	Мужчины
15	12	носятъ	носятъ
16	9	породу	по роду
20	11	разступившаго	разступившагося
22	17	Корана :	Корана :
22	17	пророка	Пророка
22	19	Прохладную	прохладную
22	25	плѣчо	плечо
23	15	собею	собою
24	15	хрусталью	хрустальную
24	16	шеи	шеѣ
27	17	пзъ	изъ
31	4	принялся	принялся
31	13	быто	бы то
31	17	докось	до кося
42	11	оме	мое
43	8	прочіе	прочія
45	9	вытканномъ	вытканнымъ
45	12	кастаньеты	кастаньеты ,
48	8	ночныя	ночныя
48	15	предметами	предметами,
48	16	тускло-озаренныя	тускло-озаренныя
54	13	однѣ	Одинъ
54	23	коня	коня
57	11	всадникъ	всадникъ
58	4	останки	остатки
58	21	вдругъ	вдругъ
61	5	ужина	ужинъ
69	3	патуръ	натуръ
73	1	Глава V.	Глава IV.
73	3	ab avo	ab ovo
74	2	полнолупія)	полнолунія
77	1	возлѣжащихъ	возлѣжащихъ
81	6	утѣсы	утесы
84	16	кочнается	кончается
91	1	Глава VI,	Глава V.

97	1	далекіе	далекія
99	3	поднятъ	подняль
107	17	называются	называются
108	16	баклановъ	баклановъ
—	17	разноцвѣтныхъ	разноцвѣтныхъ
—	18	вереницы	вереницы
—	20	тонуть	тонуть
—	—	синивѣ	синивѣ
—	—	пеба	неба
109	7	внутренній	внутренній
—	14	повернулась	повернулась

21. V. 1881.

Цѣна 1 руб. 25 коп. сер.

4 147

18
3
542

.6060

48,000

40
903 / 147,000 / 169
903
5670
5418
9520
1806
517
724

